

БРУК ЛИН

18+

СОН И ЯВЬ

перепутье

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Брук Лин

Сон и явь. Перепутье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69571549

SelfPub; 2023

Аннотация

Как справиться с водоворотом событий, когда прошлое, настоящее и будущее закручиваются вихрем в твоей голове? Когда сон переплетается с явью и тырываешься на перепутье между ними? Марианна потеряла всех, кого любила. Но встретила того, кто готов стать для неё всем. Сумеет ли она дать себе шанс быть счастливой? И к кому потянется её сердце, когда всё в её жизни вновь перевернётся вверх дном?

Содержание

ЧАСТЬ I	4
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	82
Глава 8	93
Глава 9	100
Глава 10	115
Глава 11	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Брук Лин

Сон и явь. Перепутье

ЧАСТЬ I

Вы никогда не знаете, когда случится ваш последний вдох. Просто в один миг вы перестаёте дышать, а вместе с вами перестаёт дышать душа человека, который вас любит.

Один миг. Одна чья-то ошибка. Четыре смерти. И одно сердце, тихо умирающее от тоски по четырём любимым людям.

Пролог

Я открываю глаза. Вокруг гробовая тишина и только слышен звук аппарата, который мониторит моё сердцебиение. К руке прикреплена капельница. Хочу приподняться, чтобы осмотреться, но от резкого треска в голове, ложусь обратно. Только сейчас замечаю перебинтованную ногу, но боли в ней не чувствую. Увидев кнопку вызова медсестры, нажимаю на неё. И пока нахожусь в ожидании, начинаю вспоминать, что произошло.

Помню, как мы возвращались с моего дня рождения домой. Мой жених Лукас был за рулём, он обсуждал детали нашей предстоящей свадьбы с моим отцом, сидящим рядом на пассажирском сидении. Я смотрела на них двоих с восхищением и любовью, ловила каждое их слово. Улыбалась и чувствовала себя самой счастливой. Мама с сестрой сидели рядом. Мама, держа меня за руку, склонила голову мне на плечо и мирно спала, а сестра что-то рассказывала. Она всегда что-то говорила, эмоционально и весело. Это было прекрасное мгновение.

Жмурюсь от боли в голове, сползаю обратно вниз и прячусь под одеяло. Последующие воспоминания холодом проходят по мне.

На мой телефон раздался звонок. Он лежал рядом с Лукасом, и я попросила передать мне его. Лукас снял его с за-

рядного устройства, хотел было протянуть мне, но выронил себе под ноги. Потянулся за ним. Кажется, прошла лишь секунда, пока Лукас доставал смартфон из-под своих ног, но вот уже глаза слепил яркий свет фар, а из наших уст вырывался крик. Лукас среагировал моментально, попытался вырулить в сторону, но было поздно. На большой скорости наш автомобиль столкнулся с грузовиком и вылетел в кювет.

Темнота. Звон сирен. Я открыла глаза и увидела бездыханные, окровавленные тела матери, отца, сестры и жениха.

– Нет, – на глазах нарастают слёзы. – Нет-нет-нет.

В палату входит молодая медсестра.

– Где они? Где моя семья? С ними всё хорошо?

– Успокойтесь, пожалуйста, ваш врач сейчас подойдёт.

– Плевать мне на врача! – пытаюсь встать. Предчувствие приближающейся катастрофы не покидает меня. – Где мои родители? Где Лиана? Где Лукас?

– Прошу вас, лягте обратно, – подхватывает меня, когда я, попытавшись встать, падаю на пол, забыв о сломанной ноге. – Вы слишком слабы.

– Просто скажите, что с ними всё хорошо, и я успокоюсь.

В палату входит врач. Высокий, строгий, мужчина средних лет. Он просит медсестру уложить меня обратно. Подходит ко мне, осматривает, проверяет все показатели, и только потом обращает внимание на поток моих бесконтрольных вопросов, которые продолжают сыпаться на него на протяжении всего времени.

– Они живы? Живы?

– Мне очень жаль, – его лицо смягчается, а в глазах читается такое сочувствие, что у меня живот сводит от ужаса.

– Что вам жаль? Они в коме? Без сознания? Но всё же будет хорошо, да?

– Спасти удалось только вас.

– А мои родители? Сестра? Лукас? Их спасают сейчас? – я не хочу слышать, что он говорит. Надеюсь, что он исправит свои слова, скажет, что всё в порядке.

– Двое мужчин скончались на месте, женщины по дороге в больницу. Вы единственная, кого удалось спасти после десятичасовой операции.

– Вы сейчас хотите сказать, что все умерли, а вы десять часов спасали мне жизнь? Вы это хотите сказать?

– Именно, – он говорил тихо, но голос его громом прошёл по мне.

– Нет, это какая-то ошибка. Они все живы, – перевожу взгляд на медсестру и смотрю на неё с мольбой. – Они ведь живы?

Меня начинает трясти, из глаз льются слёзы. Я задыхаюсь и нахожусь в полуобморочном состоянии. Встряхиваю головой, в надежде, что всё слетит к чертям: врач и медсестра, больничные стены и авария, и мы продолжим дорогу домой всей семьей.

Но этого не случается.

– Скажите, что это шутка, умоляю вас, – вновь смотрю на

мужчину с надеждой. – Умоляю вас! В этой машине была вся моя семья. У меня нет никого, кроме них.

– Мне очень жаль.

– Жаль? Вам жаль? – у меня начинается истерика. Слёзы льются градом из глаз и голос срывается на крик. – Зачем вы спасали мне жизнь, когда знали, что все, кого я люблю, умерли? Как вам такое в голову могло прийти? Как? Вы садисты?

Он велит медсестре что-то вколоть мне, и пока она отходит в поисках медикаментов, я бьюсь в агонии. Моё сердце будто сжигают заживо. Я горю, мне плохо. Я хочу умереть. Убить себя. Сдираю с себя капельницы, пытаюсь сорвать повязку с головы. Меня пронизывает адская боль от ран. Но это ничто, по сравнению с тем, какая боль разламывает мою душу изнутри.

Я кричу на них, умоляю меня убить. Сделать хоть что-нибудь, чтобы я перестала чувствовать тот ужас, что нарастал в груди.

Мне делают укол, мужчина держит меня из последних сил, чтобы я себя не покалечила. Ему на помощь приходят ещё два медработника. И они продолжают держать меня до тех пор, пока я не отключаюсь, уйдя вновь в темноту.

Глава 1

Мою жизнь поставили на паузу. Два года я существую, словно овощ. Работаю, чтобы прокормить себя, и много сплю, чтобы не оставаться наедине со своей душевной болью. Какой дурак сказал, что время лечит? Я продолжаю умирать изо дня в день и не вижу этому конца и края. Никакие походы к специалистам не помогли мне выбраться из личного ада. Я продолжала и продолжаю гореть.

Если в первые месяцы после смерти родных, я пыталась избавиться себя от мучений, делала все, чтобы покончить с болью и наложить на себя руки, то сейчас я свыклась со своими страданиями, приняла их в надежде, что жить мне придётся недолго. Меня клали в лечебницу, когда я пыталась покончить с собой. Но результат был одинаковым – как только я выходила, через время снова попадала в больницу. Целый год я проходила реабилитацию. Со мной разговаривали десятки специалистов. Я понимала, что они хотят донести до меня, слышала их, но ничего не могла с собой поделать. Всегда презирала таких людей, как я. Не понимала, как можно так легко распрощаться со своей жизнью, не ценить её. Поэтому, когда они говорили со мной, я осознавала, что они хотят от меня, что хотят донести до моего сознания. Но как только оказывалась один на один с собой и вспоминала, что осталась во всем мире одна: ни родителей, ни сестры, ни же-

ниха, с которым мы должны были так скоро пожениться, я срывалась. И лишь однажды, когда мне приснилась мама, я успокоилась. Она горько плакала, обнимала меня, умоляла остановиться, говорила, что ей больно. Я понимала, что это всего лишь сон, но он подействовал на меня лучше любых психологов и препаратов. Теперь, каждый раз, когда я задумывалась о том, чтобы что-то с собой сделать, я вспоминала слёзы мамы, и все мысли как рукой снимало.

Весь этот год за мной ухаживала подруга мамы. Они вместе выросли в детском доме, и эта женщина прекрасно понимала, что такое – остаться одной. Она приняла меня в свою семью, и не смотря на весь ужас, который ей приходилось со мной переживать, продолжала за мной ухаживать. Если бы не она, возможно я бы умерла от обезвоживания и голода. Я не ухаживала за собой, сутками на пролёт смотрела в одну точку и выла от боли, которая выворачивала меня наизнанку.

Когда, спустя год, я начала приходить в себя, когда вдруг у меня появились вновь потребности в еде, питье и прогулках на свежем воздухе, Елена – подруга мамы, предложила мне заняться фотографией. Она была фотографом и зарабатывала на этом хорошие деньги.

После смерти родителей, у меня ничего не осталось. Мы жили небогато. Снимали небольшой дом на побережье, папа с мамой работали, обеспечивали нас и оплачивали обучение в университете. Я была на втором курсе юридического, когда произошла авария, и после случившегося больше не появля-

лась в стенах учебного заведения. Да и появляться там больше не планировала. Во-первых, у меня не было финансовой возможности обеспечить себе обучение, во-вторых, юрист – это была не сбывшаяся мечта моей мамы. Поэтому, когда Елена предложила мне такой способ заработка, я обрадовалась. Мне нужна была лишь практика. Люди не требовали от образования, чтобы нанять тебя для фотосессии, и это было большим плюсом. Женщина отдала мне свой старый фотоаппарат и начала брать меня с собой на съёмки. Я работала бесплатно, обучалась у неё навыкам владения фотоаппаратом, а по вечерам училась обрабатывать фотографии. И в этой суете дней, я не заметила, как пролетели ещё полгода моей жизни.

За это время у меня появились свои клиенты, они рассказывали про меня своим друзьям, те – своим. Когда сарафанное радио стабильно заработало, и я начала зарабатывать деньги, я поблагодарила женщину и её семью за колоссальную помощь, которую они мне оказали, а после съехала от них. Сняла на окраине комнату у старушки за небольшие деньги. Женщина оказалась душевным человеком. Я любила сидеть с ней по вечерам на балконе, смотреть вдаль, где за крышами домов скрывалось море, и говорить обо всём на свете. Она тоже потеряла сначала мужа, потом дочь и осталась совсем одна. Две разбитые души нашли друг друга. Только наше отличие было в том, что она продолжала улыбаться, и находить в жизни вещи, которым могла радоваться.

И я старалась у неё этому научиться. Но не получалось.

Прошло полгода, как я у неё жила. Я работала, оплачивала комнату, покупала продукты и копила деньги на новый хороший фотоаппарат. Купила себе лишь однажды два платья и кеды. И то только для того, чтобы презентабельно выглядеть перед клиентами.

– Леди, – так ко мне обращалась миссис Лоран. – На соседней улице открылся бар, где можно послушать живую музыку и потанцевать. Я приглашаю.

– Спасибо, но я не танцую.

Раньше танцевала, обожала всей душой, но вот уже как два года я невольно держу траур. Я пыталась пару раз сходить с Еленой повеселиться, но мне становилась так дурно, что уже через полчаса я сбегала из заведения.

– Тогда послушаешь музыку. Не отказывай старой женщине. Тем более, я могу напиться и заблудиться. Ты же не хочешь, чтобы я заблудилась?

– Не хочу, – смотрю на неё с умилением. Она такая живая, невероятная и свободная. Завидую ей.

– Тогда собирайся, я жду тебя через десять минут у выхода.

Я отключаю компьютер, купленный мной с рук парнишки, которому срочно нужны были деньги, накидываю на себя лёгкий кардиган и выхожу из комнаты.

Уже через пятнадцать минут пешей прогулки, мы оказываемся перед тем самым баром, о котором говорила миссис

Лоран. Сквозь окна я вижу задорно танцующих людей возраста моей спутницы. На душе становится теплее. Сев за свободный стол и сделав заказ, я удобнее устраиваюсь на диване, а старушка тут же бежит на танцпол. Наблюдаю за всем с приятным привкусом на душе, а мыслями возвращалась ко дню, когда мы познакомились с Лукасом.

Мы с сестрой гуляли по набережной, как всегда, заливались смехом, так как Лиана в очередной раз над кем-то весело подшутила. Вдруг мы услышали музыку – двое ребят принесли колонки и включили их посреди дороги. Они начали зазывать всех танцевать, и мы с сестрой были одни из первых, кто выбежал на так называемый танцпол. Не знаю сколько времени мы кружились в танце, но в один миг кто-то поймал меня за руку и развернул к себе. Так я и встретилась с Лукасом. Он сказал, что наблюдал за мной весь вечер и больше не мог терпеть и хотел познакомиться. Его зелёные глаза обаяли меня с первых секунд, я улыбалась, хоть и пыталась сделаться скромнее. Я назвала ему своё имя, он – своё. И оставшийся вечер, они вместе с братом гуляли вместе с нами.

Почему-то сейчас, смотря, как парочки в пожилом возрасте танцуют под джазовую музыку, я вспомнила именно этот вечер. Вечер, когда закрутились отношения, которые делали меня самой счастливой на свете. Я чувствовала себя окрылённой, влюблённой. И даже спустя год отношений, это чувство никуда не исчезало. Мне кажется, если бы не траге-

дия, моё счастье с ним длилось бы ещё долгие-долгие годы.

Возвращаемся мы домой с миссис Лоран под утро. Как и предполагалось — она хорошенько выпила и всю дорогу веселилась, шатаясь из стороны в сторону. Сложно объяснить своё восхищение этой женщиной. Смотря на неё, я думаю лишь об одном — если мне суждено дожить до старости, то хочется только до такой, как у неё. Оказавшись дома, я укладываю её спать, иду в душ и ложусь спать. Завтра меня ждёт волнующий день. Благодаря мужу Елены меня пригласили фотографом на открытие новой выставки. Засыпала я в предвкушении этого момента, так как в последний раз была на выставке в детстве с мамой. И это были прекрасные воспоминания о ней.

Днём я просыпаюсь полная сил, перекусываю в спешке бутербродом с арахисом, надеваю лучшее повседневное платье из тех, что у меня есть, и собираю свои рыжие волосы в пучок. У выхода смотрюсь в зеркало, сухо прохожусь взглядом по своему лицу. Не увидев ничего привлекательного, лишь зачехлившие глаза и впалые щёки, отворачиваюсь от себя с отращиванием и выхожу из квартиры.

Выезжаю я за два часа до начала, так как на общественном транспорте нужно сделать три пересадки. Можно было бы заказать такси, но выходит дорого. А я стараюсь экономить на всем. Научилась этому ещё при жизни семьи, когда вместо того, чтобы тратить карманные деньги на свои нужды, я откладывала все сбережения для хорошего подарка на дни

рождения близким людям. Мама всегда удивлялась, когда я дарила ей золотые украшения, туфли её мечты или небольшие туры на двоих им с папой куда-нибудь в горы. Она ругала меня, говорила, что это она должна исполнять мои желания, но не наоборот. А я, видя блеск в её глазах, видя, как она потом светится изо дня в день и радуется им, понимала, что для меня нет более чудесного подарка, чем её улыбка. Мне казалось, что у нас с Лианой ещё вся жизнь впереди, и мы обязательно успеем насладиться каждым её мгновением. А родители, к сожалению, не молодели, и во многом ущемляли себя ради нас с сестрой, работая в поте лица, чтобы обеспечить нам достойное будущее.

Я всегда восторгалась своей семьей. Родители являются для меня примером настоящей любви. Папа отказался от всего ради мамы. Оставил семью, которая была против девушки-сироты, у которой не было ничего, кроме её имени. Оставил миллионный бизнес, наследство, друзей, что встали на сторону его родителей, и ушёл с любимой в никуда. Ему твердили, что она с ним ради денег, что бросит его, как только он останется ни с чем. Но мама не бросила, и первые годы только она зарабатывала деньги и тянула их двоих на себе, так как папа попал в аварию и долгое время был недееспособен, а когда пытался устроиться куда-нибудь, ему отказывали, несмотря на образования и опыт. Его отец перекрывал им кислород, не давал жизни, в надежде, что таким способом сможет вернуть сына в семью. И не смог ему простить того,

что тот землю грыз, но никогда больше не ступил на порог его дома. Дедушка так и не понял, что стояло на первом месте у моих родителей. Не понял, как можно было променять беззаботную богатую жизнь на бедность в маленькой каморке с сиротой, у которой не было ни рода, ни племени. И даже, когда ему сообщили о смерти его единственного сына, он не пришёл к нему на похороны, сказав тому, кто сообщил новость, что у него нет сына.

Мама выхаживала папу, помогла встать на ноги, нашла ему работу у своих знакомых, и первые годы так они и жили, складывая копейка в копейку. Они вспоминали эти времена с улыбкой, говорили, что это был чудесный период их брака. Рассказывали, как грелись в объятиях друг друга, как делили один хлеб на двоих, но были счастливы от того, что они есть друг у друга.

Папа иногда хотел переехать в мегаполис, чтобы устроиться на более высокооплачиваемую работу, и начать лучшую жизнь, по его мнению. Но мама останавливала его, зная, как много значил для него этот город. Она знала, что он бежал отсюда не от того, что город ему претил, а лишь от безысходности. Среда, в которой он вырос, давала о себе знать, и периодами ему казалось, что деньги и статус имеют значение. Мама убеждала его в обратном, что они не будут счастливы вдали от города, где родились, где встретили друг друга и были счастливы вместе. И она была права.

За пару лет до аварии, папа сорвался, собрал нас, и мы

переехали в столицу. Он устроился на престижную работу, снял просторную красивую квартиру. И вроде всё было хорошо, но стало холодно. Он редко проводил с нами время, потому что работал вдвое, а то и втрое больше. Мы перестали гулять всей семьей по вечерам вдоль набережной, есть мороженое и безудержно смеяться. Уставшие от городской суеты и пробок, прятались каждый в своей комнате в поисках потерянного покоя и тишины. Тогда папа до конца осознал, что счастье нашей семьи заключалось далеко не в деньгах, что живя на юге страны, в маленьком городе у моря, мы были в разы счастливее. Поэтому, ещё раз обсудив всё, они с мамой решили вернуться обратно. Я была рада принятому ими решению. Мне было тяжело в большом городе, я задыхалась, но молчала, потому что видела, как горел изначально папа. У него будто крылья за спиной выросли, когда он понял, что способен подарить нам, как ему казалось, достойную жизнь. Но со временем эти крылья опустились и глаза перестали блестеть.

Мы переехали обратно, и они с мамой решили арендовать помещение и открыть продуктовый магазин на деньги, что собрали в столице. Бизнес только начал приносить доход, когда случилась авария. И всё полетело прахом.

Всё это только закрепило в моём сознании, что счастье – это встретить человека, которого ты полюбишь всей душой, с которым будешь проходить все испытания судьбы бок о бок, держа друг друга за руки. Счастье – семья, которая всегда

обнимет и согреет, когда на душе холодно, и устроит праздник, когда на душе тепло.

Своё счастье я упустила. Потеряла из-за одного звонка. И изо дня в день терзала себя мыслью, как бы сложилась моя жизнь, если бы в тот день я не попросила Лукаса передать мне телефон.

Я не замечаю, как доезжаю до назначенного места. Вхожу в помещение и начинаю испытывать неудобство. Я оказываюсь в дорогом помещении, среди "дорогих" людей. Всё здесь кричит о высоком статусе и престиже. И я, исхудавшая, стоя в своём поношенном платье, чувствую себя белой вороной среди этого лоска. Я не презираю богатство, но сторонюсь и боюсь его. Всегда, когда мне приходится сталкиваться с ним, чувствую себя робко.

По горькому опыту мамы, кажется, что сейчас меня окинут презрительным взглядом и высмеют. Но никто не обращает на меня внимания, и я выдыхаю с облегчением. Нахожу управляющую, представляюсь ей, и она принимается показывать мне помещение, чтобы я не потерялась в лабиринте из стен, увешанных картинами современного художника, которому был посвящён этот вечер.

Я расслабляюсь и проникаюсь атмосферой. В голове уже вырисовываются красивые снимки гостей, которые потом им захотелось бы пересматривать, а не закинуть в "дальний ящик" или чего хуже – удалить.

В течении часа помещение наполняется гостями. Среди

ярких, красивых и дорого одетых женщин и девушек, я стала кем-то вроде моли. Никто меня не замечает, я растворяюсь в пространстве. И если раньше это показалось бы мне унижительным, ломало бы моё женское самолюбие, то теперь я рада такому исходу.

Погрузившись с головой в работу, я и вовсе перестаю воспринимать что-то. Для меня существуют только человек в объективе моей камеры и моё желание поймать запоминающийся кадр, который смог бы передать настроение этого дня.

Не всегда это удавалось сделать, поэтому я работаю вдвое усерднее, чем другие фотографы на этом мероприятии. Только по тому, как уверенно они держатся в этом обществе, с какой лёгкостью делают снимки и ведут разговоры с гостями, становилось понятно, что они опытни и давно в этом деле. От того я чувствую ещё большую ответственность. Не хочу подводить мужа Елены, который поручился за меня и за качество моей работы.

– Если вы хотите получить удачный кадр и поймать красивый свет, встаньте правее и возьмите ракурс ниже.

Услышав голос позади себя, я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с мужчиной лет тридцати-тридцати пяти. Первое, что мелькает в голове – это дикое желание сфотографировать его. Высокий, харизматичный мужчина, одетый с иголочки в чёрную водолазку и плащ, а на глазах – очки с прозрачными линзами в чёрной оправе. Очевидно, что они лишь для поддержания образа. Он выглядит так, будто со-

шёл с обложки мужского журнала GQ. Всё моё нутро горит желанием поднять фотоаппарат и запечатлеть его в кадр, но я сдерживаю себя от такой сиюминутной слабости, понимая, как нелепо буду выглядеть в его глазах.

Проанализировав его слова, я молча следую совету. Сделав пару снимков и посмотрев на них, понимаю, что это именно то, что я представляла в голове, но никак не могла реализовать. Я с благодарностью смотрю на него. Понимаю, как ещё неопытна.

– Спасибо большое, – произношу искренне.

– Покажете?

Я киваю и протягиваю ему фотоаппарат. Он смотрит на фото, улыбается, а после спрашивает разрешения пролистать другие фотографии. Отказать ему мне не позволяет моё смущение.

– Вы молодец, – возвращает обратно камеру, когда просматривает несколько снимков с этого вечера. – Где-то обучались фотографии?

– Думаю, вы мне льстите и сами видите, что я без профессионального образования.

Он достаёт из внутреннего кармана плаща визитку и протягивает мне.

– Всегда можно это исправить. Если захотите, позвоните по этому номеру, скажите, что вы от Итана Майера.

Приняв её, читаю выгравированный текст: «PHOTO SCHOOL SUNSET». Вновь поднимаю на него взгляд:

– Мне, к сожалению, пока не по карману обучение в данной школе, – возвращаю визитку. – Я уже звонила туда.

– Позвоните ещё раз. Представьтесь и скажите, что вы от Итана Майера, – игнорирует протянутую мной карточку, и я опускаю руку.

– Мне достаточно назвать ваше имя?

– И своё.

К нам подходит один из фотографов, тянется к мужчине и что-то говорит ему на ухо. Тот сразу делается серьёзнее. Говорит молодому человеку, что он сейчас подойдёт и решит проблему, и, как только парень отходит от нас, снова обращается ко мне:

– Мне уже пора. Надеюсь, вы воспользуетесь ей, – взглядом показывает на руку, держащую визитку.

– А что им даст моё имя, если я вам даже не представилась? – подозрительно смотрю на него.

– И не нужно. Я уже знаю всё, что мне необходимо знать о вас, Марианна, – и пока я стою, пытаюсь переосмыслить услышанное, он касается моего плеча и, попрощавшись, уходит.

Я озадаченно смотрю ему вслед, пытаюсь вспомнить, встречались ли мы с ним ранее, и откуда ему известно моё имя. Но так и не нахожу ответы на свои вопросы.

Весь оставшийся вечер я чувствую на себе пристальный взгляд нового знакомого, но посмотреть ему в глаза не хватает смелости. Я испытываю смущение и волнение внутри.

Боюсь сделать что-то не так, зная, что за мной наблюдают. И это не вспыхнувшее сердечное влечение к мужчине, скорее, чёткое осознание того, что этот человек может изменить ход моей дальнейшей жизни, и я не хочу упасть перед ним в грязь лицом.

Глава 2

Весь следующий день я с трудом держу себя в руках, чтобы не набрать номер, который дал неизвестный. Боюсь показаться слишком навязчивой, поэтому решаю выждать один день и только потом позвонить. Мне до сих пор не верится, что из этого что-то выйдет. Даже начинала думать, что мужчина просто хотел произвести на меня впечатление, но потом, посмотрев на себя в зеркало, я отбросила эту мысль в сторону. Я была последней девушкой в тот вечер, чей интерес он хотел бы завоевать.

Дождавшись полдня, я звоню в фотошколу. Меня приветствует приятный женский голос, и я представляюсь ей. И не успеваю даже договорить фамилию Майера, как она вновь оживлённо приветствует меня и говорит, что её предупредили о моём звонке. Договорившись, что я подъеду сегодня к пяти вечера в школу, мы прощаемся.

Я считаю минуты до момента, когда этот час настанет. Всё внутри трепещет от предвкушения. Ровно в пять часов я стою у дверей двухэтажного здания с большими окнами. В одном из них замечаю, как работают три фотографа, кружась вокруг модели. Мысленно представляю себя среди них – с хорошей камерой, уверенную в своих силах и возможностях. Кто бы мог подумать ещё год назад, что я сумею найти цель в жизни, и она будет связана с фотографией.

Я вхожу в помещение, подхожу к стойке, где стоит молодая обаятельная девушка и представляюсь ей. Она улыбается мне, поприветствовав в ответ.

– Присядьте, пожалуйста. К вам скоро подойдут, – она указывает в сторону диванов.

Я прохожу, присаживаюсь с краю и начинаю рассматривать всё вокруг. Просторное, уютное место, освещённое естественным светом и обставленное в лофт стиле. Всё такое ненавязчивое и расслабляюще.

– Марианна, – слышу женский голос.

Не поверив своим ушам, оборачиваюсь и вижу бывшую одноклассницу.

– Малышка, привет! – она подходит ко мне.

– Привет, – встаю, чтобы поприветствовать её. – Я рада тебя видеть.

– А я-то как рада.

Обменявшись объятиями, рассматриваем друг друга, так как не виделись несколько лет. В школе мы были близки. Она переехала к нам из другой страны, язык ей тяжело давался, и для многих это стало причиной для усмешек, а мне, наоборот, хотелось помочь ей, и на этой почве мы сблизились. Но после школы она вышла замуж, переехала, и наша связь оборвалась.

– Я не знала, что ты приехала, – смотрю на неё с удовлетворением, она всё так же красива, с сияющей улыбкой на лице и счастливыми глазами.

– Уговорила Мики переехать сюда жить. Жизнь в дождливом городе оказалась невыносимой.

– Прекрасно, что он тебя поддержал.

– Да, – она замолкает на доли секунд, меняется в лице, а потом продолжает. – Мне сообщили о трагедии. Я пыталась найти тебя. Прими мои искренние соболезнования. Я так любила твоих родителей.

– Спасибо, это было взаимно, – тело покрывается льдинами, я вдруг ощущаю острую необходимость в родительских объятиях.

Она, заметив, как тучи начали сгущаться над моей головой, резко меняет тему:

– А что ты тут делаешь?

– Я пока сама не понимаю, – признаюсь честно. – А ты?

– У меня фотосессия через десять минут.

Она не успевает договорить. К нам подходит уже знакомый мне мужчина. Выглядит сегодня он более повседневно, но также стильно, а аромат его парфюма заставляет на мгновение замереть от наслаждения.

– Марианна, здравствуйте, – он улыбается мне, я киваю ему в ответ в знак приветствия. – Подойду через пять минут, не уходите.

– Хорошо, – отвечаю ему с лёгким смятением, так как не думала, что мне назначили встречу с ним.

Он здоровается с подругой и проходит к выходу.

– Вы что, знакомы? – Стейси смотрит на меня, округлив

глаза. – Он назвал тебя по имени?

– А кто он? Почему ты так удивлена?

– Итан Майер. Только не говори, что ты его не знаешь?

Итан Майер. Я сомневалась, что он назвал мне своё имя, думала, может это имя кого-то из приближенных ему людей.

– Как его зовут, я знаю. Но кто он?

– Ты из какой Вселенной, девочка? – она смотрит на меня с искренним удивлением. – Он один из лучших фотографов страны. Я мечтаю к нему попасть на фотосессию уже лет пять. Но он фотографирует только тех, кто его вдохновил. Неужели, ты не видела ни одного его снимка?

Я отрицательно качаю головой.

– Ну ты хотя бы знаешь, что это всё, – она обводит рукой помещение. – Принадлежит ему?

И тут я почувствовала себя настоящей дурой. Как можно мнить себя фотографом, мечтать попасть в одну из лучших школ фотографии, но ничего не знать ни о хозяине этой школы, ни о фотографе, к которому, очевидно, мечтает попасть не только моя старая подруга?

– Я не знала.

– Как вы познакомились? – не дав мне ответить, продолжает она. – У меня мурашки до сих пор бегут по коже от его улыбки.

– Ты замужем, – усмехаюсь, качая головой.

– Так сказала, будто я глаз лишилась. Скажи мне ещё, что его улыбка не свела тебя с ума?

– Я не обратила внимания, – говорю искренне. – Но он достойно выглядит, мне бы хотелось его поснимать.

– Поснимать? Ты стала фотографом?

Мы не успели договорить, подошедший к нам Итан вновь прерывает наш разговор.

– Я украду у вас подругу? – обращается он к Стейси

– Конечно-конечно.

Она быстро оставляет мне свой номер, а после мы прощаемся. Мы с Итаном поднимаемся на второй этаж и заходим в кабинет, очевидно, принадлежащий мужчине.

– Как добрались? – обращается ко мне.

– Хорошо, спасибо.

Он садится на кресло и приглашает меня сесть рядом на диван.

– Просмотрели вчерашние кадры? – интересуется он.

– Да, – теперь, зная, кто он, я чувствую себя ещё более неуверенно рядом с ним.

– И как?

– Честно? После вашего совета стало лучше.

– Рад был помочь.

Он улыбается, и я понимаю, о чём говорила Стейси. У него и впрямь красивая, завораживающая улыбка.

Вспоминаю слова подруги. Она, будучи замужем за любимым человеком, продолжает замечать других мужчин и не видит ничего дурного в том, что кто-то ещё может свести её с ума. Если это нормально, то почему на меня так не действует

улыбка Майера? Хотя я несколько не исключаю того факта, что она обаятельна.

Мать Лукаса, очевидно, была права, когда сказала, что я заключила себя в оковы вдовы и дала самой себе обет безбрачия. Она ругала меня при каждой нашей встрече, умоляя идти дальше. Говорила, что я ещё слишком молода, чтобы хоронить свою жизнь. Заставляла выйти в свет, завести новые знакомства, снова влюбиться и построить семью. Но я не могла. Это всё шло вразрез с желаниями моего сердца. Я не представляла, как смогу снова полюбить кого-то, как смогу кому-то позволить себя касаться, как смогу говорить слова, которые говорила Лукасу. От того и не замечала в мужчинах – мужчин. Они не привлекали меня и не были мне интересны.

– Не считите за грубость, но зачем я здесь? – решаю не ходить вокруг да около, не терпелось узнать, что же он мне скажет.

– Вы мне нравитесь, Марианна, – он замечает, как я выпрямляюсь в спине и делаюсь серьёзной. – В профессиональном смысле. Не переживайте.

Я выдыхаю.

– Я наблюдал за тем, как вы усердно работаете. За три часа три передышки на десять минут. Похвально.

– Вы следили за мной? – делаю вид, будто не знаю ответ на свой вопрос.

– Я очень внимателен, когда выбираю в свою команду фо-

тографов.

– Простите?

– Я предлагаю вам месячное обучение в этой школе, – без церемоний подходит к сути. – Если за этот месяц я увижу прогресс, то приглашу вас в свою команду.

Не помню, когда в последний раз испытывала настоящую радость, но кажется сейчас это была именно она. Внутри что-то всколыхнулось, и мне вдруг на мгновение стало так хорошо.

– Команду? – уточняю, желая убедиться, что правильно его поняла.

– Вы наверняка заметили на выставке своих коллег?

– Да.

– Они работают со мной.

– Но я не видела, чтобы вы фотографировали.

– Перефразирую. Они работают на меня. А я могу себе позволить фотографировать только тех, кто доставляет моим глазам удовольствие. Когда приходят заказы такие, как в тот вечер, я выбираю из команды тех, кто лучше подойдёт для этой работы, и они выполняют её. Они зарабатывают деньги, а я получаю с этого процент.

– А если у меня будут мои личные заказы, я смогу их принимать?

– Конечно, но мы будем получать процент и с этих съёмок. Естественно, стоимость вашей работы станет выше.

– Получается, я буду полностью под вашим контролем?

– Поверьте, недовольными остаются только очень жадные. Вы не похожи на такую. Школа берёт процент, но даёт вам безграничные ресурсы и возможности. Клиентов, студию, аппаратуру. Мы берём всё на себя, вам остаётся только фотографировать, не думая ни о чём.

– И я смогу уйти в любой момент?

– Всё как у всех. Вы не будете у меня в рабстве. Захотите уйти – уйдёте.

Я нахожусь в каком-то состоянии шока и до конца не осознаю, что происходит.

– А что сейчас от меня требуется?

– Внимательность, усердность и хорошее настроение.

– Всё при мне, – говорю я с трепетом.

– Правда? Вы в хорошем настроении? – с лёгкой улыбкой на губах он принимается внимательно изучать меня.

– Да.

– Вы ни разу не улыбнулись.

– Поверьте, сейчас я в хорошем настроении.

Я понимаю, о чём он говорит. После аварии, я редко широко улыбаюсь, ещё реже смеюсь. Я пыталась вернуть своё счастливое лицо на место. Стояла перед зеркалом и тренировалась, чтобы прежняя улыбка вновь появилась на моём лице, но выглядело всё так нелепо и ужасно, что я бросила попытки.

– Поверю, – он пристально смотрит мне в глаза, и я начинаю смущаться.

– Итан, – запинаясь, – Извините, я не знаю, как вас по отчеству.

– Просто Итан.

– Простите, но возможно вы в тот день не обратили внимание на мои слова, но я навряд ли смогу оплатить учёбу в вашей школе. Точнее, не навряд ли, а точно не смогу.

– Я вас тогда услышал. Не думайте об этом. Я заработаю с вами больше.

– Всё же, я не хотела бы быть вам должна.

– Тогда давайте так. Как только вы сможете оплатить обучение, вы его оплатите. А пока, просто наслаждайтесь учёбой.

Не верится, что это происходит со мной. Что такое вообще возможно. Я давно перестала верить, что в моей жизни может происходить что-то хорошее.

– Вы принесли своё портфолио? – интересуется мужчина после недолгого молчания.

Я киваю в ответ. Девушка по телефону предупредила, чтобы я принесла его с собой. Я достаю из сумки папку с снимками и даю ему. Он начинает смотреть. Внимательно. А я чувствую такую неловкость и стыд за каждый свой снимок. Я не видела его работ, но очевидно, раз у него такой статус, то это что-то стоящее. А теперь ему приходится смотреть на работы самоучки, которая до сих находится в поисках собственного стиля.

– Мы сработаемся, – он улыбается, протянув папку обрат-

но. – Сколько вы занимаетесь этим?

– Около года.

– И за год вы успели сделать прорыв в своей работе без чьей-либо помощи. Уверен, со мной ваш прогресс будет в трижды быстрее.

– У меня старый фотоаппарат. Это никак не повлияет на моё обучение?

– Это последнее, что может повлиять на обучение. Учеба начнётся через неделю. Продлится ровно месяц. Подойдите к стойке, вам дадут расписание уроков.

– Хорошо. Спасибо вам за эту возможность.

Он кивает взглядом. Как-то по-отцовски заботливо и нежно улыбается мне, и на душе становится тепло.

– И ещё, – произносит он, и я смотрю на него в ожидании. – Давайте перейдём на "ты"?

– С радостью.

Поговорив и обсудив ещё некоторые детали, мы прощаемся с ним. Я забираю расписание уроков, а после выхожу на улицу. Меня переполняют эмоции. Это что-то новое и прекрасное. Я чувствую, как жизнь улыбается мне, открывает свои объятия и заключает меня в них. Впервые я поднимаю голову к небу и, вместо слез, дарю ему улыбку.

Глава 3

– Вчера был хороший день, мама. Помнишь, я рассказывала про странного незнакомца? Он оказался известным фотографом и дал мне возможность учиться в его школе. Может быть, мне удастся его впечатлить, и он возьмёт меня в свою команду фотографов. Будет хорошо, если всё получится. Я куплю новый фотоаппарат и начну собирать деньги на путешествие. Больше не хочу оставаться здесь, этот город причиняет мне слишком много боли.

Вчера я снова попробовала пройтись по набережной. И снова плакала. Много и горько. Каждый сантиметр города напоминает мне о вас с папой и сестрой. О Лукасе. Мне невыносимо тяжело каждый раз дышать без вас. Ещё тяжелее проходить по улицам, по которым когда-то ходили мы вместе. Они возвращают меня в прошлое и рвут-рвут на части.

Я сворачиваюсь в клубок, чтобы спрятаться от поднявшегося ветра. Не хочу уходить, хотя пора на съёмку. Лёжа на холодной плитке, под которой похоронено тело мамы, я всё ещё жду, что они появятся рядом и скажут, будто всё это было неудачной шуткой, проверкой меня на прочность. Но никто не появляется. В ответ на все мои рассказы и вопросы, изо дня в день я слышу только вой ветра, что колышет листья деревьев надо мной.

Встаю с места, подхожу по очереди к памятникам папы и сестры, прощаюсь с ними до завтрашнего дня. После, вновь направляюсь к памятнику Лукаса, чтобы попрощаться с ним. Я уже была у него сегодня, просидела с ним больше часа. Просто молчала. Мысленно представляла, что он меня обнимает, как прежде, говорит, как сильно любит, и мы вместе мечтаем о нашем будущем. Сегодня я не хотела с ним ни о чём говорить, просто молчать, просто "побыть" в его объятиях.

Пройдя метров триста, подхожу к нему.

– Люблю тебя, – касаюсь губами его выгравированного имени на холодном камне. – Я бы всё отдала за возможность вернуть время вспять.

Звонит будильник, напоминая, что мне пора уезжать. Ещё минуту я пытаюсь оторвать себя с места. Всегда так происходит, когда нужно уходить и прощаться с ними. Всё моё нутро противиться этому, хочется находиться здесь круглосуточно. Я знаю, как глупо выгляжу со стороны, понимаю, что камень не заменит живых людей, но так мне немного спокойнее.

Направляюсь к выходу, погружённая в свои мысли. Вытираю с глаз невольно катящиеся слёзы. Обида на Вселенную так же масштабна, как и она сама. Хочется кричать, что есть сил. Выплеснуть все наружу, избавить себя от яда, что так медленно и мучительно меня убивает. Но ком в горле не даёт ни избавить себя от токсинов, ни вдохнуть свежего воздуха.

У выхода я замечаю знакомый мужской силуэт, и на мгновение замираю на месте. Итан выбрасывает в мусорный бак букет сухих роз. Я надеюсь пройти мимо него незамеченной, ведь это последнее место, где я хотела бы столкнуться с кем-то из знакомых.

Почувствовав чьё-то присутствие, Итан оборачивается и замечает меня.

– Здравствуй, – говорит он с лёгкой улыбкой на губах.

Я приветствую его в ответ и боковым зрением вижу, как с остановки отъезжает автобус, едущий в город. Делаю шаг вперёд, чтобы побегать и догнать его, но останавливаюсь, понимая, что уже не успею добежать. Нервно переступаю с ноги на ногу, вспоминая, что следующий автобус будет только через час. Злюсь на себя. Теперь, из-за своей невнимательности, мне придётся заказывать такси, чтобы вовремя успеть на съёмку. Ненавижу такси по всем пунктам, начиная с цены, заканчивая тем, что нужно ехать с незнакомым человеком в маленьком пространстве.

– Что случилось? – заметив мою реакцию, спрашивает мужчина.

– Я пропустила свой автобус, – произношу расстроенно, указывая на проезжающий мимо кладбища транспорт.

– Разве это проблема? Я подброшу.

– Не стоит, сейчас закажу такси, – открываю сумку, чтобы найти телефон.

– Я не кусаюсь, не бойся, – он кладёт руку на замок сумки,

чтобы не дать мне достать мобильный.

– Я и не боюсь, – поднимаю на него взгляд. – Просто не хочу доставлять вам неудобства.

– Мы ведь перешли на ты

– Забыла, прости, – смутившись, говорю я.

Чувствую себя рядом с ним не в своей тарелке. Он для меня, как из другого мира. Во всём моя – противоположность. Улыбчивый, уверенный в себе, одетый с иголочки. И я – пасмурная, отрешённая, в одежде, которой уже несколько лет.

– Прощу, если поедешь со мной, – широко улыбается он. – Или компания незнакомого таксиста кажется тебе привлекательнее меня?

– Самый привлекательный вариант отъехал минуту назад от остановки, – улыбаюсь краем губ в ответ, желая уйти от прямого ответа на вопрос.

Раздаётся гром, я поднимаю голову к небу и понимаю, что вот-вот польёт дождь.

– Даже небо за меня, – он достаёт из кармана ключи и зовёт за собой.

Я решаю не сопротивляться. Он прав, его общество будет приятнее незнакомца. Мы подходим к его автомобилю, он открывает мне пассажирскую дверь, помогает сесть, а после сам садится за руль, и мы выезжаем с парковки.

Узнав адрес, по которому я еду, Итан заводит разговор о данном месте. Делится со мной мнением, какие студии там более удачные, а какие – нет, и мы увлекаемся разговором

о фотографии.

Вчера всю ночь я не могла оторваться от компьютера. С жадностью просматривала работы Итана Майера. Дыхание перехватывало от них, особенно тех, что были сделаны за последние годы. Его виденье девушек и женщин – прекрасно. Одну и ту же модель он мог фотографировать несколько раз, но каждый раз она была другой. Он раскрывал их с разных сторон, и каждая из них – настоящая. Просматривала снимки и чувствовала, как завидую его мастерству. Он делает невероятные вещи, и достичь таких высот возможно только путём долгих лет упорного труда. А мне так хочется суметь сделать что-то подобное здесь и сейчас.

– Итан, а ты будешь вести уроки у нас? – задаю вопрос, который мучал меня вчера перед сном.

Я так хочу, чтобы он провёл хотя бы одну лекцию, поделился опытом и, возможно, направил в правильное русло.

– Конечно, – оторвав взгляд от дороги, смотрит на меня. – Почему ты спросила?

Ему приходится по душе мой вопрос, вижу по появившейся на его лице улыбке.

– Мне понравились твои работы, – отвечаю откровенно.

Я не любила и не умела никогда юлить. Всегда говорила так, как есть. Признавалась честно в своих ошибках, спокойно могла извиниться и, если мне кто-то или что-то нравилось, я никогда не скрывала своей симпатии. Лукас убеждал, что это неправильно, твердил, что в девушке должна оста-

ваться загадка. А для меня было важнее оставаться собой и не бояться говорить о том, что думаю и чувствую.

Сейчас бы Лукас сказал, что я должна была промолчать – не отвечать честно на вопрос Итана. Возможно, он был бы и прав, но я так не смогла. Да и не видела смысла в создании загадки. У меня не было никогда цели, чтобы кто-то хотел меня разгадать, завоевать. Тем более, Итан. Тем более, сейчас.

– Приятно слышать, – отвечает он, удовлетворённый моим ответом. – Знаешь, что я подумал, когда увидел тебя на выставке?

– Думаешь, мне стоит знать? – отвечаю с волнением.

– Подумал, как бы было замечательно поснимать тебя, – он не сводит глаз с дороги, лишь на мгновение отвлекается, посмотрев мне в глаза, чтобы вычитать мои эмоции, а потом снова отворачивается.

А я от неожиданности теряю дар речи. Он хочет меня поснимать? Итан Майер меня? Вспоминаю слова Стейси, что он фотографирует только тех, кто ему нравится. Да и сам он признался, что имеет возможность снимать только тех, кто доставляет его глазам удовольствие. И тут он говорит такие слова мне. Мне – ничем неприметной, исхудавшей, бледной, с потерянным взглядом девушке, у которой в голове один лишь мрак.

– Смешно, – реагирую я, вновь смутившись. – Очень смешно.

– Я на шучу, – он останавливается на светофоре, переводит на меня всё внимание, изучает. – Даже сейчас смотрю на тебя и хочу сфотографировать.

Краснею от стеснения. Не знаю, куда деть свои глаза, и что ему сказать в ответ на его откровенность.

– Я не фотографируюсь, – единственное, что удаётся мне вымолвить.

– Ожидал именно такого ответа, – улыбается он. – Но всё ещё впереди.

– Что это значит?

– Значит, что я обязательно осуществляю задуманное.

– Звучит не очень приятно. Решил принудить меня к съёмке? – понимаю, что одно неосторожное слово, и меня накрывает волной возмущения.

– Никакого принуждения. Уверен, когда ты доверишься мне, то согласишься сделать пару кадров.

– Уверен? Ты меня ведь совсем не знаешь.

– Не обязательно хорошо знать человека, чтобы его чувствовать.

Не нахожу слов, чтобы ответить ему. Может и в самом деле нужно быть более закрытой, чтобы люди вокруг не могли считывать меня? Но, с другой стороны, какое мне дело, что думают или чувствуют другие на мой счёт, когда я прекрасно знаю саму себя. И знаю, что не соглашусь на съёмку, даже если сильно этого захочу.

Небо покрывается тучами, и об стёкла начинают биться

капли дождя. Тело покрывается мурашками от страха.

– Пожалуйста, езжай медленнее, – вжимаюсь в спинку сиденья.

Я любила дождь. Любила гулять под ним. Лукас всегда ругал меня, говорил, что нужно укрыться где-нибудь от ливня, иначе я заболею. Но я не хотела. Наслаждалась погодой и, кружась, громко смеялась.

Всё изменилось в день, когда я потеряла всех, кого любила, а за окном шёл непрерывный дождь. Теперь, я боялась его. Боялась до оцепенения. Порой даже ненавидела.

Без лишних вопросов, Итан сбавляет скорость. Едет аккуратнее.

– Боишься?

Я киваю ему в ответ и снова отворачиваюсь к окну.

Мысли невольно возвращают меня к разным воспоминаниям. Как мы с Лианой купались под дождём, а потом мокрые бежали домой минут двадцать. Тогда мы заболели и неделю лежали дома с температурой, но ни разу так и не пожалели о поступке. Даже больше – повторяли это из раза в раз. Потом появился Лукас. Однажды я уговорила его на эту авантюру. Ночь, мы вдвоём в море под дождём. Купаемся, обнимаемся, целуемся и непрерывно признаемся друг другу в любви. Я обожала его. Хотела обнимать и целовать каждую секунду. А в такой обстановке и вовсе потеряла голову. Не хотела возвращаться на берег, потом домой. Хотелось пробыть с ним в тёплой воде всю оставшуюся ночь.

Ком образовывается в горле, вдруг испытываю дикое желание вернуться в тот день, вернуть Лукаса. Хочется расплакаться, но держусь из последних сил, понимая, что рядом сидит посторонний человек.

– Моя сестра любила дождь, – отрывает меня из мыслей Итан. – Пробиралась на крышу дома, сидела под навесом, слушала музыку и читала.

– Говоришь о ней в прошедшем времени?

– Её не стало пару лет назад, – отмечает он с грустью.

– Мне очень жаль. Ты у неё был на кладбище?

– Да. Прихожу раз в неделю, смотрю на её памятник, чего-то жду, а потом разочарованно уезжаю обратно в город.

– Я всегда жду, что сейчас те, кто умер, появятся из-за угла и скажут, что всё это было шуткой.

Он грустно улыбается:

– Наверное, я жду того же.

– Я тоже потеряла два года назад родных.

– Знаю, – признаётся он. – Поэтому, посчитал правильным, чтобы и ты знала обо мне что-то важное.

– Спасибо за честность.

Не знаю, откуда он узнал об этом, наверное, оттуда же, откуда и моё имя, но я не была зла на него. Прозвучит странно, но за эти пару минут разговора с ним, я успела ощутить уют и согреться. У меня сложилось впечатление, будто я говорю сама с собой. Настолько чувствовала себя понятой и принятой. И прекрасно понимала самого Итана. В это мгновение

я просто не могла испытывать злость на этого человека. Тем более, он сказал обо всём откровенно.

– У тебя не осталось никого? – спрашивает после нескольких минут тишины.

– Никого, – качая отрицательно головой, глаза предательски наполняются слезами. – Наверное, только подруга мамы и мама Лукаса.

– А Лукас...?

– Прости. Я думала ты и о нём знаешь. Лукас – мой жених.

– Нет, о нём я не знал. Соболезную.

– И я тебе.

– Долго были вместе?

– Год. Должны были скоро пожениться, но случилась авария.

– И, очевидно, это обручальное кольцо? – взглядом указывает на средний палец на руке.

– Да, – касаюсь его бережно. – Раньше я носила его на безымянном, но сильно похудела, поэтому теперь ношу на другом.

– Удивительно, – вновь изучающе смотрит на меня.

– Что именно?

– На своём пути я встретил мало женщин, верных живым мужьям. А ты продолжаешь хранить верность своему усопшему жениху.

– Я просто его люблю, поэтому, не хочу видеть рядом с собой никого другого.

– А что, если встретишь кого-то? Влюбишься?

– Я сомневаюсь, что это возможно.

– Предположим гипотетически. В таком случае, снимешь кольцо?

– Гипотетически, – задумываюсь. – Итан, ты задал сложный вопрос. Я, признаться честно, не планировала влюбляться и строить с кем-либо ещё отношения.

– А влюбляться в Лукаса входило в твои планы? Разве влюблённость можно контролировать?

– Я была свободной, когда встретила его.

– Получается, ты планируешь хранить ему верность до конца жизни?

– Для меня это само собой разумеющееся.

Хотелось мне добавить, как я надеюсь, что моя жизнь не будет долгой, но решила промолчать и не пугать человека.

– А он? Прости за грубость, но будь он на твоём месте, он бы хранил верность тебе?

Наверное, за два года я ещё никогда не думала об этом. А его слова поставили меня в тупик:

– Сложный вопрос, – отвечаю задумчиво.

– Разве? По-моему, ответ очевиден.

– Возможно, ты прав. Но, если честно, я бы и не хотела, чтобы он проживал такую жизнь, как я сейчас. Было бы легче, если бы он был счастлив.

– Так почему ты считаешь, что он не хотел бы для тебя того же самого?

– Итан, ты и вправду задаёшь вопросы, о которых я никогда не задумывалась. Мне сложно так сразу на них ответить.

– Ты подумай над моими словами, а мы попозже ещё вернемся к теме твоего кольца.

Молчу, задумываюсь. Чего бы пожелал для меня Лукас, будь у него сейчас возможность сделать это? Нравится ему то, как я живу? Нравится ли то, что храню верность и не думаю о том, чтобы строить отношения с другими? Он был очень ревнив, мог ревновать даже к соседским подросткам или мимо проходящим незнакомцам. Сумасшедший, до конца не понимал, как я его любила. Поэтому, мне кажется, что такой расклад, как сейчас, ему пришелся бы по душе больше, чем какой-либо другой.

Мы подъезжаем к зданию фотостудии. Итан достаёт из бардачка зонт, говорит подождать. Раскрыв зонт, выходит из машины, подходит к моей двери, открывает её и помогает выйти.

– Обещают весь день дожди, поэтому оставь его себе, – протягивает мне зонт.

– Спасибо тебе, – уголки губ тянутся вверх, мне приятна такая забота. – Я обязательно верну его.

Мои слова его лишь забавляют. Я прощаюсь с ним, и быстро направляюсь к зданию фотостудии. Я и раньше работала на максимум своих возможностей, но после увиденных работ Майера, я старалась прыгнуть выше своей головы. Кадры теперь казались пресными, не живыми. Не такими, какими

я хотела бы их видеть. Я понимала, что клиенту понравятся снимки, так как результат съёмки был ничем не хуже прежних. Но и не лучше. От этого мне ещё сильнее захотелось приступить к учебе в фотошколе, хотелось побывать на уроке Итана, получить опыт и стать лучше.

Уставшая и вымотанная, подхожу к стойке, чтобы оплатить аренду студии.

– У вас оплачено.

– Какая-то ошибка, я только подошла к вам для оплаты.

Парень пожимает плечами. Так и не сумев убедить его, что я не оплатила аренду, выхожу из здания, открываю зонт Итана и направляюсь в сторону остановки. Ещё несколько минут я иду, не соображая, как произошла данная ошибка. А потом до меня доходит. Итан. Это он оплатил аренду студии. Видела, как он, после меня зашёл в здание, но решила, что он захотел с кем-то поздороваться.

Меня накрывают неловкое смущение и злость. Сначала бесплатное обучение в своей школе, теперь оплата студии. Видимо, по моему виду он решил, что я нуждаюсь в деньгах, поэтому так поступает. И от этого, становится только дурнее. Чувствую себя никчёмной и страшной. Пару минут так и стою на месте, разглядывая свой вид в отражении витрины. И не увидев ничего привлекательного для своих глаз, иду к остановке.

Сев в автобус и облокотив голову к окну, закрываю глаза и стараюсь расслабиться, выкинуть из головы все свои пред-

положения, даже если они верны. Обещаю себе, что поговорю о случившемся с Майером при первой же встрече, а пока даю себе возможность насладиться приятной усталостью после съёмки.

Глава 4

Неделя до учёбы пролетает в привычном для меня режиме: много сплю, бываю на кладбище у родных, по ночам редактирую фотографии клиентов. На деньги, которые должна была отдать за аренду студии, я иду на базар и покупаю платье, юбку и пару топов. Не хочу появляться на учёбе в поношенной одежде. Не хочу, чтобы, смотря на меня, у Майера возникало чувство жалости и стремление финансово мне помочь.

Первый день в фотошколе я встречаю с особым волнением. Еще не понимаю, чего ожидать, поэтому испытываю лёгкий страх. С шестью другими учениками мы входим в светлый кабинет. На стене оборудован большой электронный экран, а перед ним стоят стулья с выдвижными столиками. Нас встречает женщина средних лет. Почему-то её лицо кажется мне знакомым, но вспомнить, где я его видела, не могу.

Мы рассаживаемся по местам.

– Здравствуйте. Меня зовут Диана Гомес. Со основатель данной школы и член союза фотохудожников. Обращаться ко мне строго по имени и никаких отчеств и фамилий. В ближайший месяц я буду вашим преподавателем вместе с Итаном Майером. Вас ждёт десять учебных дней и пять практических. В конце обучения вы сдаёте дипломную работу.

После приветствия и знакомства, мы приступаем к обучению. Три часа урока пролетают незаметно. Я внимательно слушаю всё, что рассказывает Диана. Она раскрывает принцип работы фотокамер. Половину слов я слышу впервые, и не понимаю, как до этого работала и могла делать кадры, которые нравились другим. Я записываю всё, слушаю, внимаю. В отличие от некоторых учеников, не думаю, что умнее и опытнее человека, стоящего перед нами. Да, это не самый интересный урок, каждый пришёл сюда ради более ярких моментов. Но я прекрасно понимаю, что без основ невозможно будет двигаться дальше.

После окончания, мы собираемся с учениками около двери в кабинет, и все начинают делиться своими впечатлениями. Я молчу. Не от того, что нечего сказать, просто не хочу. Каждое слово сейчас для меня энергозатратное. Все мои мысли сосредоточены на желании сделать кадр по рекомендациям Дианы. Хочу понять, насколько усвоила сегодняшний урок.

Бродя глазами по коридору, натыкаюсь на Итана, который стоит с Дианой, и они о чём-то говорят. Майер ловит мой взгляд, кивает мне, поприветствовав. Диана, заметив, что он отвлёкся, следует за его взглядом и, увидев меня, аккуратно улыбается коллеге. Киваю ему в ответ и отвожу взгляд.

– Там с Дианой стоит Итан, – говорит одна из учениц. – Он в жизни ещё красивее, чем на фотографиях.

Парни, закатив глаза, прощаются с нами и отходят, а две

оставшиеся девушки со мной, продолжают обсуждать мужчину. Все их мысли заходят настолько далеко и глубоко, что мне становится не по себе и, не желая больше учувствовать в подобном разговоре, я прощаюсь с ними и ухожу.

Выйдя из школы, достаю фотоаппарат и пробую настроить его по-новому. Решаю применить новые знания на практике. Посмотреть, что получится выдать у моей старушки. После урока, я ещё сильнее захотела приобрести новую камеру и объектив. Теперь я знала их влияние на фотографию. Но также поняла, что даже со старым фотоаппаратом можно сделать достойные кадры.

Увидев, как колышутся на ветру ветки деревьев, и от них отлетают и прилетают птицы, я подхожу ближе и начинаю фотографировать пейзаж. Насколько погружаюсь в съёмку, что не замечаю, как ко мне кто-то подходит сзади.

– Привет.

Я вздрагиваю от неожиданности. Встав на ноги и опустив камеру, я смотрю на Итана, стоящего рядом. Быстрым изучающим взглядом пробегаюсь по мужчине. Он стоит, спрятав руки в карманы, смотрит на меня, и я вновь начинаю бороться с желанием сфотографировать его. На нём даже сочетание простой белой футболки с серыми брюками чинос смотрятся идеально. Он поднимает солнцезащитные очки на голову, и я замечаю, как на солнце его светлые глаза переливаются с голубого к серому. Итан привычно улыбается мне, и я приветствую его лёгкой улыбкой в ответ

- Как прошёл первый день, понравилось?
- Более чем. Ещё раз спасибо за эту возможность.
- Я рад. Ты понравилась Диане.
- Она мне тоже. У неё очень приятный голос.
- Согласен.

Я вижу, что ему пришлось по вкусу мои слова, поэтому решаю договорить о своём впечатлении.

– Её хочется слушать, даже когда она говорит о таких скучных вещах.

Он смеётся.

- Согласен. Её приятно слушать, даже когда она ругается.
- Кстати, Итан, – вспоминаю о случившемся неделю назад. – Никогда больше не делай так.

– О чём речь?

– Я про то, что ты оплатил мне студию.

– Серьёзно? Это ведь такие мелочи.

До последнего я надеялась, что это была ошибка студии, а не инициатива Итана. Поэтому, когда он как ни в чём не бывало в этом признаётся, я слегка теряюсь и снова ощущаю себя никчёмной перед ним.

– Возможно, для тебя мелочь, но для меня нет. Я была зла на тебя.

– Раз для тебя это не мелочь, то я рад, что поступил именно так. Надеюсь, на эти деньги ты купила себе шоколад, съела его и перестала на меня злиться.

– Я не шучу.

– Я тоже. Повторюсь, для меня это мелочь. После этого я не голодал всю неделю.

А я, по его мнению, голодала бы без этих денег? Недовольно фыркаю. Хочу ответить грубостью, но потом успокаиваюсь, посмотрев на свою новую красивую юбку, купленную на эти самые деньги. Если бы Итан так не поступил, я бы не решилась на покупку новой одежды, так как не привыкла тратить отложенные деньги.

– Я не люблю шоколад, – почему-то срывается с моих губ.

– Не понял?

– Ты сказал, что надеешься, что я купила себе шоколад на те деньги. Но я не люблю шоколад.

Он смеётся моим словам. Мне нравится, как у него это получается.

– А что ты любишь?

– Апельсины, – отвечаю, не задумываясь.

Вспоминаю, как мама приносила домой большой пакет сочных апельсинов, и мы с Лианой на завтрак, обед и ужин питались ими. Потом нас тошнило только от их вида, но это быстро проходило, и мы снова принимались за их поглощение.

– А из сладкого?

– Я к нему равнодушна.

– Буду иметь ввиду, – он смотрит на часы. – Тебя подбросить?

– Нет, спасибо. Хочу пройтись, хорошая погода.

– Согласен. Ну, а мне пора. Хорошего дня, Марианна, – мягко улыбается.

– И тебе.

Прощавшись, я делаю ещё пару кадров дерева, а после, направляюсь в сторону дома. Идти мне минут сорок, не меньше, но я хочу прогуляться, подумать обо всём. И фотографировать. Много фотографировать.

Дни стали быстро сменять друг друга. Уроки у Дианы проходили с удовольствием. За несколько занятий я узнала так много, что голова шла кругом. Научилась делать кадры, которые думала, что возможно сделать только на дорогой фотоаппарат. Да, качество было не таким отменным, как у других ребят из группы, но я не отчаивалась, потому что видела свой личный рост.

Каждый раз, как я оказывалась в стенах школы, мне становилось так хорошо, что я умудрялась забыть обо всём, что случилось со мной за её пределами. Мне казалось, что всё в моей жизни, как прежде – семья ждёт меня дома, Лукас позвонит вечером, и мы проговорим с ним всю ночь. И мне хотелось находиться в школе каждый день и час, чтобы испытывать это чувство чаще, несмотря на то что в конце меня всегда разочаровывала реальность.

Сегодня у нас интересный урок, который слушают внимательно все, без исключения. Тема урока – свет. Диана учит

нас, как с помощью него можно решать творческие и технические задачи. Светофильтры, цветопередача, тональность, баланс белого, – оказывается, столько нюансов, влияющих на кадр. Занятие сегодня длится дольше обычного. Мы приступаем к практике. К нам приезжает модель, и мы работаем сначала с естественным светом, а потом со студийным. А в конце, Диана дает домашнее задание – сделать ночной снимок города.

Выйдя из кабинета, я сталкиваюсь с Итаном. Эти дни мы с ним не пересекались, так как его не было в городе. Узнали мы об этом от Дианы, когда она сообщила нам, что сегодняшний урок Майер провести не сможет.

– Как дела? – интересуется, отойдя от двери.

Я следую за ним. Заметив на нас любопытные взгляды учеников, начинаю испытывать скованность.

– Хорошо. Твои как? – спрашиваю из вежливости, но на самом деле хочу отойти от него. Мне не нравятся взгляды на себе. Не хочу стать предметом чьих-то сплетен.

– Итан? – выйдя из кабинета, Диана вопросительно смотрит на мужчину. – Я вообще-то тебя жду.

– Иду.

Только после его ответа, она замечает меня, она как-то неоднозначно смотрит на Майера с легкой улыбкой на губах, и потом заходит обратно в кабинет. А он вновь переводит на меня своё внимание.

– Диана дала вам практическое задание на дом?

– Да. Кстати, удивлена, что ты здесь. Нам сказали, что ты уехал.

– Так и есть. Только вернулся из командировки, – он смотрит на меня, не отрывая глаз, и заставляет меня краснеть. – Ты решила, где будешь фотографировать?

– Наверное, на набережной, – пожимаю плечами. – Я ещё не думала об этом.

– Могу отвезти тебя в одно место. Тебе оно понравится.

– Думаю, это будет лишним.

– Будет лишним сделать красивые кадры под моим наставлением? – хитро улыбается. – Как же глупо.

Он ловит меня на крючок. Отказаться от такого предложения и в самом деле будет глупо.

– Хорошо, – отвечаю, немного подумав. – Я принимаю твоё предложение.

Мне приходится продиктовать ему номер своего телефона, чтобы он смог связаться со мной перед встречей. А после, мы прощаемся. Он заходит в кабинет, закрывает за собой дверь, а я стою, ловя на себе любопытные взгляды одноклассниц. Становится не по себе. Поэтому, я быстро собираюсь и ухожу со школы.

Сажусь в автобус и мыслями возвращаюсь к разговору с Итаном. На душе как-то беспокойно. Не понимаю, входит ли в рамки дозволенности то, что только что произошло. Я знаю свои намерения. Итан нравится мне. Но нравится, как профессионал своего дела, как человек, оказавший мне под-

держку. Но я не знаю его намерений. Да, возможно, ему просто меня жаль, поэтому он мне помогает. И этот вариант больше похож на правду, ведь где я и где он. Но вдруг у него на меня другие планы? Вдруг, ему захотелось поиграть со мной, а я поощряю его в этом?

Достаю из сумки зеркало, смотрю на себя. Потом вспоминаю Итана. Становится смешно от нелепости своих предположений.

«На кой черт ты ему сдалась, Марианна, чтобы он ещё так изощрялся ради игр с тобой? Не усложняй и не придавай двоякого значения всему, что он говорит» – мысленно проговариваю самой себе в отражение.

Ещё раз взглянув на свои потускневшие глаза, на бледные впалые щеки, убеждаюсь в правильности своих слов и закрываю зеркало.

Глава 5

– До сих пор не могу поверить своим глазам, – говорю я, смотря на огни вечернего города с крыши высокого нежилого здания.

Кажется, если протяну руку, смогу дотянуться до любого его уголка. Коснуться моря. Развести пальцами облака.

Отвлекаюсь, поворачиваю голову в сторону Итана. Он сидит рядом, смотрит на закат. Выглядит умиротворённым и задумчивым.

– Никогда ничего подобного раньше не видела, – хочется молчать, но слова так и рвутся из уст. – В который раз за этот месяц я скажу тебе спасибо?

Он отрывает глаза от неба и переводит их на меня. Мягко смотрит, улыбается краем губ.

– Рад, что тебе понравилось это место.

– Откуда ты про него узнал?

– Папа показал его, когда я был подростком. Сказал, что здесь мне всегда удастся успокоиться, – он делает небольшую паузу, осматривается по сторонам. – Он оказался прав.

– А я чувствую себя здесь непричастной.

Он вопросительно смотрит на меня, видимо, не поняв моих слов.

– Непричастной к жизни вон там, – указываю я рукой в сторону города.

– Это хорошо или плохо?

– Для меня – лучше и быть не может.

– Тебе не нравится жизнь? – я успеваю словить его взгляд, упавший на моё запястье, где виден один чёткий шрам, свидетельствующий о моей второй попытке убить себя.

Банальнее и быть не может, знаю, но тогда, лёжа на полу в ванной и захлёбываясь в собственных слезах, мне казалось, что это единственный верный способ.

Смутившись, я прячу руку от Майера. Он замечает это.

– Обратил на него внимание ещё на выставке.

– Казалось, что только это поможет мне избавиться от боли, – решаю оправдаться.

– А сейчас?

– Сейчас тоже так кажется, – отвечаю отчаянно с смешком. – Но теперь научилась жить со своей болью.

Отведя от Итана взгляд, вновь смотрю на мерцающий город. Закат достигает пика своей красоты. Решаю, что самое время сделать снимки.

– Постой, – хватая меня за руку, когда я хочу достать фотоаппарат из сумки.

Вздрагиваю от его прикосновения. Тело немеет.

– Прости, – он отпускает запястье, заметив мою реакцию. – Просто хотел сказать тебе, что, если однажды снова захочется повторить это, – он указывает на шрам. – Позвони мне. Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях, но обещаю, что выслушаю и поддержу.

– Спасибо, Итан. Но, обычно, людям редко удаётся поддержать. Конечно, если речь не о специалистах.

– Тогда давай будем считать, что я специалист, – он смотрит на меня тёплым взглядом. Ни капли осуждения, которое я так часто вижу в глазах, смотрящих на меня.

Узнав про попытки самоубийства, неважно каким образом, люди всегда смотрят искоса, а после начинают считать нездоровой. Они скрывают своё отношение за натянутой улыбкой, но ты чувствуешь каждой своей клеткой, как они тебя презирают. С Итаном же наоборот, складывается впечатление, словно я нахожусь под крепкой отцовской защитой, и здесь меня всегда поймут.

Я не могу ничего ответить. До сих пор стою на месте, ощущая его прикосновение на своей руке.

– Попробуй сделать кадр отсюда, – вовремя переводит он тему, встав со своего места и уступив его мне.

Слушаюсь. Настраиваю фотоаппарат под ночную съёмку, как учила Диана, и принимаюсь за работу.

Первые десять минут я еле держу камеру в руках. Переживаю, боюсь сделать что-то не так и не оправдать ожиданий Майера. Он внимательно следит за мной, даёт советы, предлагает новые идеи для съёмки. И вскоре я забываю, что передо мной мой учитель и профессиональный фотограф, становится легко, как с другом.

– Мне нравится, – произношу я, когда заканчиваю съёмку и пересматриваю снимки. – Как тебе? – с волнением спра-

шиваю у него и протягиваю камеру.

Он смотрит на экран, пролистывает фотографии и поднимает взгляд на меня.

– Хорошая работа.

– Тебе, правда, нравится?

– Я бы не стал тебе врать, – возвращает мне фотоаппарат. – Ты талантлива.

Благодарю его. Чувствую себя окрылённой после его оценки. Он делает пару замечаний, но говорит ничего не исправлять.

– У меня своеобразное, иногда неверное, представление о фотографии, поэтому, лучше дождись оценки Дианы. Она в этом профессионал.

– А мне нравится твоё виденье. У тебя в кадре женщины преображаются. Я смотрю на них, и у меня складывается ощущение, что каждая рассказывает мне свою историю, непохожую ни на одну другую.

– Красивое описание моего творчества. Спасибо, ёжик, – улыбается мне.

– Ёжик? – удивлённо смотрю на него.

– Ты, как ёжик, боишься людей и закрываешься от них, – улыбается. – А ещё, такая же милая.

Мне нравится его сравнение, оно заставляет меня умилиться.

Я подхожу к парапету, облакачиваюсь на него и смотрю вниз. Если бы два года назад я знала про это место, то обяза-

тельно пришла сюда, чтобы птицей полететь вниз. Но сейчас, единственное, что хотелось сделать, стоя на краю крыши – это ещё немного насладиться закатом и городом, покрываемым сумраком.

– Ты не голодна? – подходит сзади Итан и встаёт рядом. Следует моему примеру и облакачивается на ограждение.

– Даже не знаю, – смотрю на него. – Я редко испытаю чувства голода.

– Депрессия или всегда так было?

– Скорее, первое.

– Любишь гирос?

– Очень, – произношу с лёгкой улыбкой на лице, вспомнив папу.

Воспоминания уносят меня в прошлое. Папа редко рассказывал что-то про свою прежнюю жизнь, однако, всегда приводил нас к одному фургону, где пожилой мужчина готовил гирос. Я пробовала их во многих местах, даже в столице, но вкуснее, чем у этого мужчины, не ела нигде. Помню, мы садились за маленький деревянный стол, что стоял у фургона, кушали всей семьей, смеялись и очень часто к нам присоединялся тот самый старичок. Сейчас, когда Итан сказал про гирос, мне захотелось именно туда. С родителями, с сестрой. Смеяться до слез. Или просто сидеть, смотреть друг на друга и морально поддерживать после тяжелого дня.

– Присоединишься ко мне? Я знаю одно место, уверен, оно тебе понравится, – прерывает мои воспоминания Итан.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Но ты видел время? Это место будет работать?

– Будет, – отвечает уверенно. – Ну так что?

– Почему бы и нет?

Решаю принять его приглашение. Я так давно ни с кем не гуляла, не сидела в кафе, не общалась. Я не беру в счёт миссис Лоран, уверена, она меня жалеет, поэтому иногда заставляет выйти с ней развеяться. Но нет больше в моей жизни шумных вечеринок, танцев и прогулок с друзьями до самого утра. Всё испарилось в один миг. Ребята не выдержали моей затяжной депрессии и исчезли. Я не виню их, редко кому удаётся справиться с человеком, который потерял смысл в жизни и, кроме как страдать и плакать, больше ничего не умел делать. Это я сейчас научилась снова говорить, жить, контактировать с людьми, но первый год был невыносимым не только для меня, но и для тех, кто меня окружал и пытался помочь.

Почему-то сейчас я вспомнила, как много ярких и насыщенных дней было в моей жизни. И даже стало тоскливо, что это не вернуть назад.

Поворачиваю голову в сторону Итана. Испытываю к нему безграничную благодарность, что так возится со мной. Да, с ним не устроить шумной вечеринки, но она мне больше и не нужна. С ним просто становится легче. Будто он приходит, забирает камни с души и, пока рядом, несёт их вместо меня.

Даёт мне время отдышаться и только потом уходит, возвращая всё на свои места. Странно, наверное, говорить такое о человеке, которого я знаю так мало.

Мы спускаемся вниз к машине, садимся и едем в неизвестном мне направлении. Всю дорогу мы о чём-то разговариваем. О незначительном, темы сами вытекают одна за другой. Мне приятно общество Итана. Он незаносчивый, внимательный, умеет слушать и ещё более интересно умеет рассказывать.

Я не замечая, как мы доезжаем до нужного места. Выходим из машины, и Итан ведёт меня ещё пару минут по знакомой мне улице. Когда он говорит, что мы пришли, я не верю своим глазам – передо мной стоит фургон, украшенный гирляндой с светящимися лампами. Тот самый, куда приво-дил нас папа. Меня окутывает лавина приятных чувств. Я смотрю на всё те же деревянные столики, на старичка, что убирает тарелки с одного из них, и мне кажется, что не было этих двух лет, что сейчас к нам присоединятся родители с сестрой, закажут по любимому блюду и будут много смеяться над шутками Лианы.

– Это любимое место моего дяди, – начинает Итан, пока мы идём в сторону фургона. – Он любил это место настолько, что водил меня только сюда.

Хочу рассказать ему про папу, но не успеваю, нас замечает мистер Вернер. Увидев Итана, он кладёт тарелки обратно на стол и подходит к нам.

– Дорогой мой, как давно тебя здесь не было, – пожав друг другу руки, они обнимаются.

– Прости, Уил, много работы.

Они отстраняются друг от друга, и мистер Вернер переводит взгляд на меня. Пару секунд молчит, разглядывая моё лицо.

– Марианна? – хмурит брови, словно не веря своим глазам. – Доченька, ты?

– Здравствуйте, Уил, – подхожу к нему ближе и заключаю в объятия. – Рада вас видеть.

Он крепко обнимает меня в ответ. Не имея никогда де-душки, я всегда представляла его своим родным.

– А я то как рад тебя видеть, – он отпускает меня, снова разглядывает. – Как хорошо, что ты в полном здравии.

Радостный, он начинает суетиться.

– Так, чего стоите, как не родные, быстро проходите за стол. Я вас сейчас накормлю, – смотрит на меня театрально строгим взглядом. – Марианна, тебе двойную порцию, а то одни кости!

– Вы же знаете, что я и обычную порцию доедаю только, когда очень голодная, – уголки губ тянутся вверх.

Как бы вкусно не готовил этот старичок, но его порции были такие большие, что за нас с мамой всегда доедали папа с сестрой.

Когда мужчина отходит, Итан с любопытством смотрит на меня.

– Вы знакомы? – его вопрос кажется риторическим, скорее, он хочет спросить, как мы познакомились.

– Меня тоже сюда часто приводил отец. Это было одним из любимых мест нашей семьи.

– И как мы раньше не встречались здесь? – он не сводит с меня глаз, когда мы садимся за стол друг напротив друга.

– Может встречались, просто не замечали? – пожимаю плечами и отвожу взгляд, осматриваясь.

Больно соскучилась по этому месту. И почему я раньше не додумалась прийти сюда одна? Сесть с Уилом и поговорить по душам? Он очень любил моего отца. Папа говорил, что мистер Вернер единственный, кто поддержал его в решении бросить всё ради мамы. Уверена, нам бы нашлось, что рассказать друг другу.

– Я заметил тебя в толпе, а здесь бы упустил из виду? – он улыбается, разглядывает меня и будто наслаждается, когда я начинаю смущаться.

– Ты мог быть в этот день с какой-нибудь длинноногой красоткой.

– Почему сразу длинноногой? – широко улыбаясь, он откидывается на спинку стула.

– Заметила по твоему портфолио, что ты питаешь слабость к таким, – отвечаю я с ехидством. – Или ты станешь это отрицать? – приподнимаю бровь.

– Мне всегда казалось, что я питаю слабость к красивым женщинам. Но чтоб к длинным ногам, изволь. Слишком

много слабостей было бы для одного человека, – смеётся.

– По-моему, для свободного мужчины они простительные.

– А для несвободного нет? – он скрещивает руки на груди, улыбается и вновь начинает изучать меня.

– Мне кажется, никому не понравилось бы, если бы её мужчина питал слабость к другим женщинам.

– Под слабостями, я скорее имею ввиду творческое влечение.

– Разве оно не может перетечь в нечто большее?

– Может, конечно, если не контролировать. А с этим у меня никогда не возникало проблем.

– Поверю тебе на слово, – тоже откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

– Ты ревнивая?

– Наверное, – задумываюсь, пытаюсь вспомнить хоть одну свою сцену ревности.

– Ты не знаешь?

– Я никогда не ревновала Лукаса. Он не давал повода.

– О, ёжик, для ревности не всегда нужен повод, – он продолжает улыбаться.

– А ты?

– Я собственник.

В голове вдруг мелькает сцена, как он рвёт и мечет от злости и ревности к любимой. И мне кажется, это выглядело бы в его исполнении привлекательно. Эта мысль заставляет ме-

ня сгорать со стыда.

– Тебя смутили мои слова?

– Нет-нет, – стараюсь стряхнуть этот бред из головы.

– В любом случае, я не прихожу сюда ни с кем, кроме мамы. Поэтому, тебя бы я заметил.

– А как же дядя?

– Наша связь давно оборвалась. Он женился и ушёл.

– Не понимаю, как это взаимосвязано.

– Это долгая и неприятная история. Но в любом случае, он был хорошим человеком.

Решаю не задавать больше вопросов, да к тому же, к нашему столу подходит мистер Вернер. Кладёт перед нами гирс, напитки и дополнительно мне – мой любимый салат.

– Ну что, Итан, ты всё-таки нашёл достойную избранницу, – довольно произносит мужчина, присаживаясь рядом с Майером.

Чувствую, как с новой силой начинают пылать мои щеки от смущения. Уил знал про Лукаса, даже был приглашён на нашу с ним свадьбу, а теперь я сижу перед ним с другим мужчиной, и он думает, что мы с ним пара. До чего неловко и неприятно.

Смотрю на Итана, в ожидании, когда опровергнет слова старика, и я смогу выдохнуть воздух, скопившийся за эти несколько секунд в лёгких.

– Кажется, ты нас не так понял, – улыбается Майер, смотря мне прямо в глаза. – Марианна учится в моей школе, и я

помогаю ей с домашним заданием.

– Ах школа, – наигранно улыбается в ответ. – Ну тогда, конечно, совсем другое дело.

Итан быстро переводит тему разговора, заметив смену моего настроения. А я весь оставшийся вечер не могу найти себе место от волнения. То ли я нервничаю из-за того, что мистер Вернер принял нас за пару, то ли от того, что согласилась на встречу с Майером за пределами школы.

В любом случае, слова старика выбивают меня из, итак, шаткого равновесия. И даже на обратном пути домой, когда мы с Итаном остаёмся наедине в его машине, я стараюсь оградить себя от разговора, закрыв глаза и притворившись спящей.

Когда он довозит меня до дома, аккуратно будит, сообщая, что мы доехали. Я благодарю его за этот вечер и быстро ухожу прочь, боясь, что он заговорит со мной о чём-либо.

Глава 6

Оказавшись дома, скрываюсь в своей комнате, сбрасываю с себя одежду, надеваю пижаму и ложусь в постель. От усталости, я засыпаю, как только голова касается подушки.

И тут... я вижу Лукаса. Моё сердце готово взорваться от переизбытка счастья. За два года ко мне во сне приходили все, кроме него. И вот он здесь, рядом, перед моими глазами. Такой красивый и родной. Он улыбается, тянется ко мне, целует в губы и говорит, что любит. А я задыхаюсь от переизбытка радости и бросаюсь ему на шею. Мы гуляем и много целуемся. Я обнимаю его и крепко прижимаю к себе. Чувствую себя по-настоящему счастливой. Настолько мне хорошо, что начинаю смеяться. Мой смех доставляет удовольствие моим ушам. Я ещё крепче прижимаю к себе Лукаса. И тут он растворяется, словно пепел, в моих руках. А мои глаза против моей воли открываются.

– Нет, – закрываю их обратно, желая заснуть и снова увидеть Лукаса.

– Нет! – нервно кричу, когда понимаю, что не могу больше уснуть.

Будильник разрывается на части. Выключаю его и обращаю внимание на время. Я уже должна выходить из дома. Бежать на урок Итана, который я так сильно ждала. Но эти желания настолько ничтожны рядом с тем, как сильно хочу

увидеть Лукаса, что я снова пытаюсь уснуть. Ещё минут пятнадцать я мучаюсь, пытаюсь уйти ко сну, а потом, поняв, что ничего не выйдет, психую и встаю с кровати. Хочется плакать от обиды и разбить телефон, что вырвал меня из объятий любимого. Но вместо этого, заставляю себя собраться и поехать на урок.

Я опаздываю на тридцать минут. Постучав, вхожу в студию. Чувствую себя неловко. Только недавно я говорила Итану, что хочу побывать на его уроке, и тут же опаздываю к нему. Все сидят на стульях, делают записи, а перед ними стоит Майер и объясняет тему. Заметив меня, он останавливается. Я читаю в его взгляде недовольство и с сожалением поджимаю губы.

– Я уже решил, что вы не придёте, Марианна, – говорит он строго, без капли привычной для него мягкости, а взглядом указывает на свободный стул в первом ряду.

– Простите. Виновата.

Как только сажусь на своё место, Итан продолжает урок. Я достаю блокнот и только хочу начать запись лекции, как слышу смешки за спиной.

– Видимо, решила, раз знакома с ним, то ей все можно, – с ехидством шепчет одна девушка другой.

Они, не стесняясь, продолжают между собой меня обсуждать. Внутри всё сжимается от обиды и злости. Хочется попросить их замолчать, не слышать этих глупых и мерзких сплетен. Кто им сказал, что я влюблена в Итана, кто сказал,

что он бежит от меня, как от огня – настолько я ему противна?! Зачем придумывать то, чего нет на самом деле?! Я вскипаю. Стараюсь абстрагироваться от их разговоров и послушать, что рассказывает Майер, но не могу. Борюсь с желанием вцепиться в волосы этих девиц и исцарапать им лицо.

И только, когда они переключает своё внимание на преподавателя и начинают обсуждать его, я успокаиваюсь.

Минут через сорок лекция заканчивается, и в студию заходит высокая, эффектная брюнетка. Я узнаю её, у Майера много работ с ней. Самой запоминающейся и яркой была съёмка в стиле ню. Она здоровается со всеми и подходит к Итану. Томно улыбается ему, и они целуют друг друга в щёку в знак приветствия. Он представляет нам её и говорит, что в ближайшие пару часов она будет нашей моделью.

Мужчина даёт нам десять минут перерыва. Мира – модель, подходит вплотную к Майеру, поправляет воротник его поло, улыбается, что-то говорит, откровенно с ним флиртуя. Он держится более холодно, аккуратно отстраняется, но бросает на неё неоднозначные взгляды с подтекстом.

От чего-то на душе становится не по себе. Ощущение, что я подглядываю за чем-то интимным и сокровенным. Поэтому, заставляю себя отвернуться от них. Достаю фотоаппарат и начинаю пересматривать фотографии, сделанные вчера вечером. Выписываю в блокнот номера тех, что понравились больше всего, и изредка бросаю взгляды на Итана, желая словить момент, когда он будет один, чтобы подойти к нему.

– Марианна, не боишься, что уведут? – усмехается одна из сплетниц.

– Если бы я ещё понимала, о чём ты, – отвечаю ей, не отрываясь от камеры.

– Всё ты прекрасно понимаешь. Эта моделька глаз не сводит с Итана.

– И? – я поднимаю на неё глаза. – Тебе-то какое дело до них?

– До них никакого, за тебя переживаю, – отвечает она насмешливо.

Хочется дать ей пощёчину, чтобы стереть с лица эту мерзкую улыбку, но я продолжаю сидеть и смотреть на неё невозмутимым взглядом.

– Это ты так пытаешься свою ревность и зависть перекинуть со своей больной головы на мою? – решаю ответить ей в тон.

Она хочет что-то мне ответить, но нас прерывает голос Майера:

– Марианна, – зовёт он меня.

Я поворачиваю голову в его сторону, смотрю на него восторженно, и он жестом руки подзывает меня к себе.

– Только сильно не переживай, пока я буду стоять рядом с ним, – обращаюсь я всё к той же стерве. – Если сильно попросишь, могу даже поговорить с ним о тебе, может он и тебя заметит, – говорю ей с усмешкой на губах, а после встаю с места и направляюсь к Итану.

Слышу, как она бросает мне вслед какие-то оскорбительные слова, но не воспринимаю их всерьёз.

– Что это между вами происходит? – он кивает в сторону той девчонки, чьё имя я так и не запомнила.

– Ничего значительного. Но впредь, пожалуйста, не проявляй ко мне больше внимания, чем к остальным. Это рождает неприятные слухи.

– Тебя задевают такие вещи? – он искренне удивляется. – Я думал, ты выше этого.

– Если бы это не оскверняло мои чувства к Лукасу, возможно, была бы выше.

– Ты и впрямь удивительная, – смеётся. – И вчера то, что Уил посчитал нас парой, тоже осквернило твои чувства? Поэтому ехала домой, набрав в рот воды?

– Ты сейчас об этом хотел поговорить?

– Нет, – вновь становится строже. – Хотел попросить впредь не опаздывать на мои уроки. Иначе я восприму это, как неуважение к себе.

– Я как раз хотела поговорить с тобой об этом и попросить прощения. Я проспала, не услышала будильник. Но, пожалуйста, не думай, что это как-то связано с моим неуважением к тебе или к Диане, – решаю, что говорить ему всей правды крайне неуместно.

– Итан, – слышу мелодичный голос Миры.

Я вместе с мужчиной поворачиваю голову в её сторону. Стилисты делают последние штрихи на ней.

– Ну как я тебе? – встаёт в соблазнительную позу, игриво улыбаясь.

Майер улыбается ей в ответ.

– Всё отлично, Мира. Ты, как всегда, прекрасна.

Девушке приходится по вкусу его слова, она благодарит его, и он снова переводит взгляд на меня. Я отвечаю ему взаимностью.

– Она красивая, – говорю ему с неподдельной искренностью.

– Очень. Уверен, тебе понравится её снимать.

К нему подходят ребята с возникшими вопросами, и я отохожу, не желая им мешать. Ещё минут через десять Миру полностью подготавливают к съёмке, и Итан даёт старт работе.

Он был прав, когда сказал, что мне понравится её снимать. Девушка настолько фотогенична, пластична и быстро входит в разные образы, что захватывает дыхание от вдохновения и желания поймать каждое её движение. Сам Итан, не сдержавшись, присоединяется к нам и делает пару кадров, что заставляет девушку забыть о нас и работать только для него. Её влечение к нему очевидно. Его эмоции сложнее считать, но думаю, он испытывает к ней взаимные чувства.

Пару часов съёмки пролетают так быстро, что когда Майер сообщает нам о её завершении, мы расстраиваемся.

В кабинет входит Диана, говорит, что улетает на съёмки, и её не будет три дня в городе, поэтому просит нас сейчас

подготовить пару кадров с вчерашнего домашнего задания и показать ей для оценки.

И пока мы принимаемся за поиски лучшего кадра, я слышу, как Мира подходит к Итану и предлагает ему встретиться сегодня вечером у неё. Он принимает её приглашение, и она, обрадовавшись, прощается со всеми и уходит переодеваться.

Я выбираю пару кадров, которые мне нравятся больше всего, и вызываюсь первая показать свою проделанную работу. Я не думаю, что у меня получилось всё идеально, об этом мне уже успел сообщить Итан. Наоборот, жду, когда Диана сделает свои замечания, и я начну работу над ошибками.

Она подключает камеру к ноутбуку, и фото высвечивается на экране. Она приближает фотографии, разглядывает их. Мне кажется, она узнаёт это место, так как бросает удивлённый взгляд на Итана, а потом улыбается ему.

– Мне нравится, Марианна, – говорит Майер, отвернувшись от коллеги. – Загадочно.

– Спасибо, – благодарю его.

– Какое красивое место вы выбрали, – Диана с интересом изучает меня. – Это ваше любимое?

– Фото? – уточняю я.

– Место.

– Не моё. Одного хорошего человека, – отвечаю ей, понимая, что она знает, кто показал мне его.

Итан улыбается моим словам, несколько секунд не сводит

с меня глаз, а после вновь отвлекается на фото.

Диана делает пару замечаний, объясняет, что мне нужно исправить в своей работе и как в следующий раз получить более чёткий кадр. Она возвращает мне камеру, хвалит меня, и я, поблагодарив её, сажусь на своё место.

Ещё минут тридцать она проверяет работы других. Кого-то исключительно хвалит, кому-то делает замечания. Итан же говорит только своё впечатление в общем – нравится ему или нет, без объяснений. Я уже начинаю догадываться, что его раздражает вся техническая сторона съёмки, ему важен конечный результат.

Когда Диана нас отпускает, уже у выхода из кабинета Итан окликает меня, просит подождать. Боковым зрением чувствую, как меня пожирают взглядом одnogруппницы. Одной из них явно нравится Майер, и она не может терпеть рядом с ним никого женского пола. Казалось, сегодня она сожжет заживо Миру, пока та открыто флиртowała с мужчиной.

В студии остаёмся только я с Итаном и Диана. Её присутствие явно его не смущает, чего не скажешь обо мне. Он подходит ко мне, держа руки в карманах брюк.

- Какие планы на сегодня? – подойдя, спрашивает у меня.
- Поеду домой. Нужно доделать заказ на завтра.
- Тогда давай подброшу тебя?
- Не стоит, Итан. Я доеду сама.
- Я настаиваю.
- Уверена, у тебя много других важных дел, – говорю я,

искренне не понимая, зачем он тратит на меня своё время.

– Они подождут.

– Меня смущает это, – признаюсь честно.

Вновь возникают мысли, что он заинтересован в игре со мной. Да, головой я понимаю абсурдность своих предположений, но это чувство овладевает мной.

– Что именно тебя смущает?

– Твоё отношение ко мне, – продолжаю говорить откровенно. – Я не понимаю, как его расценивать. И не знаю, как себя вести с тобой.

Решаю, что вместо того, чтобы каждый раз что-то предполагать, лучше один раз услышать всё от него самого.

– Давай я тебя подвезу до дома, и мы поговорим об этом?

– Хорошо.

Он говорит ждать его на парковке, и я, ещё раз попрощавшись с Дианой, выхожу из кабинета. Оказавшись на улице, прохожу к машине Майера. Нервно оглядываюсь по сторонам, не желая навлечь на себя поток новых сплетен.

Итан появляется минут через пять. Открывает мне дверь пассажирского сиденья, помогает сесть, а после сам садится за руль, и мы выезжаем с территории школы.

– Я слушаю тебя, – начинает Итан.

– Мне казалось, я буду слушать тебя, – чувствую, как у меня начинают потеть ладони от волнения.

Как же, всё-таки, было глупо и самовлюблённо поднимать этот разговор.

– Что ты хочешь услышать? – спрашивает он, бросив на меня короткий взгляд.

– Хочу понять, почему ты так относишься ко мне. Не думаю, что ты каждому даёшь возможность бесплатно обучаться у тебя в школе, не каждому показываешь то место на крыше и фургон с мистером Вернером.

– Далеко не каждому, согласен, – он останавливается на светофоре, переводит на меня свой взгляд. – И как тебе кажется, почему я к тебе так отношусь?

– Думаю, тебе меня жаль. Возможно, это как-то связано с моими шрамами на запястье.

– Я не испытываю жалости к сильным людям.

– Сильным? – из моих уст вырывается смешок. – Это я-то сильная? Подбитый щенок, который после нескольких неудачных попыток самоубийства бродит по улицам от безысходности.

– Разве обучение в школе, покупка нового фотоаппарата – это безысходное движение по улице? По-моему, это чёткое понимание своего будущего.

– Мне кажется, одно другому не мешает.

– А мне кажется, что ты недооцениваешь себя.

Наш разговор заходит совсем не туда, куда мне хотелось бы, но мне стыдно возвращать Итана к изначальной точке. Загорается зелёный свет светофора, мы вновь движемся с места.

– Если бы я тебе сейчас дал таблетки или лезвие и пообещал

щал, что не помешаю тебе сделать задуманное, ты бы не согласилась на это. Сейчас для тебя это уже кажется неприемлемым решением проблемы. Для меня это и есть сила.

– Почему ты так уверен, что я не согласилась бы на твоё предложение?

– Я хорошо знаю, как ведут себя те, кто способен на это безумие, – говорит он с какой-то досадой в голосе.

Могу только предположить, что он сталкивался с подобным в своей жизни, но нахожу неуместным заговаривать с ним об этом.

Задумываюсь над его словами. Анализирую. И понимаю, что, если бы он сейчас предложил мне свою помощь, я бы отказалась. Я вдруг осознала, что вновь испытываю страх перед смертью.

– Но мы говорили совсем не об этом, – прерывает мои мысли Майер. – Ты ведь хотела узнать, что я испытываю к тебе.

После его слов, я чувствую себя ещё глупее, чем в самом начале.

«Что может испытывать к тебе Итан Майер? – вновь смеётся внутренний голос надо мной. – Как вообще можно было завести с ним такой разговор?»

– Ответь мне на один вопрос. Моя заинтересованность тобой, как женщиной, заставит тебя волноваться об этом? – продолжает он.

– Да, – отвечаю, не задумываясь. – Если это так, то я бы не

хотела своим поведением давать тебе ложное ощущение, что у тебя что-то может со мной получиться. Даже мимолётное.

Он смеётся, смотрит на меня пронзающим взглядом, от которого мурашки бегут по коже.

– Ты не делаешь ничего, о чём бы стоило переживать.

– Мне кажется, или ты уходишь от ответа?

– Просто мой ответ тебе не понравится.

Я выжидающе смотрю на него.

– Ты мне нравишься, – признаётся с лёгкостью.

– Как человек?

– И как женщина тоже.

Меня ошарашивают его слова. Почему-то до последнего думала, что он найдёт правильные слова и осадит меня, намекнёт, чтобы я взглянула на себя в зеркало и расслабилась. Скажет, что я совсем не в его вкусе. А в ответ он говорит то, к чему, оказывается, я совсем была не готова. Я теряю дар речи и не знаю, куда себя деть от смущения.

Раздаётся звонок на телефон Итана.

– Прости, я должен ответить. Звонок по работе, – говорит он, надевая наушник в уши.

Я киваю ему с пониманием. И безгранично рада, что наш разговор прервали. Ибо не представляю, как бы вела с ним этот диалог дальше.

Всю оставшуюся дорогу до дома он говорит по телефону. Что-то обсуждает, но я его не слушаю. Оглушена его словами.

– Подожди, я тебе через пару минут перезвоню, – обращается к собеседнику, когда мы подъезжаем к моему дому.

Он выходит из машины, открывает мне дверь и смотрит изучающе.

– Не нужно так испугано смотреть на меня, – мягко улыбается.

Боковым зрением замечаю, как к нам кто-то подходит. Оборачиваюсь и вижу знакомую старушку. Увидев рядом со мной Итана, у неё загораются глаза.

– Ну какого красавца себе отхватила, – задорно проговаривает она.

– Миссис Лоран, – произношу я с возмущением и смущением.

Меньше чем за сутки уже третий человек приписывает нам с ним отношения, и это сводит меня с ума.

– Итан, – представляется Майер женщине и протягивает ей руку. – Я друг Марианны.

Она вкладывает ладонь в его, и он, как настоящий джентльмен, целует её тыльную сторону.

– Элеонора, но для вас просто Эла, – артистично кокетничает с ним.

Женщина в своём репертуаре. Закатываю глаза, слегка улыбнувшись, и пока никто из них не решил продолжить разговор со мной, решаю уйти. Благодарю Итана, что довез меня, и прощаюсь с ним. А после уйду домой.

Оказавшись в своей комнате, подхожу к зеркалу. Смотрю

на себя.

– И я ему нравлюсь?

Разглядываю своё лицо, фигуру. Сравниваю с Мирой. С её загорелой, сияющей кожей, с огненной улыбкой и харизмой. А потом смотрю на себя. Не вижу в себе ничего привлекательного для мужского глаза. Всё же не верится, что он сказал правду. Какой-то бред.

Глава 7

Ещё немного покрутившись перед зеркалом, отхожу от него, сажусь за компьютер и принимаюсь за обработку фотографий клиентки. В голове так много странных мыслей, а внутри – тревоги, что хочется поскорее погрузиться в работу и забыться обо всём. Проходят часы. За окном начинает темнеть, и глаза слипаются от усталости. На миг кладу голову на стол и закрываю их, чтобы успокоить. И не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Лукас снова рядом. Стоит, смотрит на меня и улыбается. Смеюсь, я прыгаю в его объятия. Снова чувствую себя счастливой. Он целует меня в шею, шепчет что-то, но я его не слышу – настолько поглощена своими эмоциями. Всё кажется таким реальным – и наша прогулка по набережной, и его прикосновения, и слова, и взгляды. Всё-всё-всё. И мне хочется кричать от радости на весь мир.

И вот он вновь исчезает. Так резко и неожиданно, что хочется расплакаться от обиды. Я открываю глаза и вижу перед собой миссис Лоран. Впервые за полгода очень злюсь на неё и хочу прогнать из комнаты. Ну почему всё вокруг так и норовит вернуть меня к реальности? Почему не хочет оставить в покое и дать насладиться любимым хотя бы во сне?

– Детка, ты совсем заработалась, – констатирует факт она. Посмотрев на часы и увидев, что скоро полночь, с ужасом

осознаю, что проспала несколько часов вот так за столом.

С трудом выгибаюсь, тело затекло и ноет. Встаю с места и выключаю компьютер.

– Что-то случилось? – обращаюсь к ней, желая поскорее попрощаться, лечь в постель и продолжить свой сон, в надежде, что ещё раз увижу Лукаса.

– Мы ведь сегодня собирались на танцы, – отвечает бодро она.

– Простите, но сегодня я останусь дома. Хочу поспать, – я сажусь на край кровати, массирую виски, стараясь унять пульсирующую боль в них.

– Так ведь всю жизнь проспайшь! – недовольно качает головой.

А я бы с радостью так и прожила её. Тем более сейчас, когда во снах появился Лукас.

– Не преувеличивайте, Эла, – улыбаюсь краем губ, чтобы смягчить её. – Обещаю, в следующий раз обязательно схожу с вами, куда захотите.

– Ладно, – машет на меня рукой, подходит к двери и добавляет. – Хорошо хоть твой кавалер согласился пойти со мной танцевать.

– Мой кавалер? – я хмурю брови.

– Да, он сидит у нас на кухне. Я угостила его чаем.

– Вы что сделали? – я вскакиваю с кровати, догадавшись, о ком она говорит.

Быстрым шагом выхожу из комнаты и иду на кухню. Уви-

дев Майера, сидящего за маленьким столом и внимательно изучающего всё вокруг, испытываю неловкость. Уверена, он не привык находится в таких скромных, без лоска квартирах.

– Ты серьёзно, Итан? – без церемоний обращаюсь к нему, разведя руками и смотря на него в недоумении. – Ты собрался на танцы?

Заметив меня, он спокойно улыбается. Осматривает с ног до головы и только потом отвечает:

– Раз я здесь, какие могут быть шутки?

– Но у меня другие планы на этот вечер.

– Я услышал ваш разговор, – продолжает говорить спокойно. – Если ты себя неважно чувствуешь, ложись спать, а мы с Элой и вдвоём проведём отлично время.

– Тебе делать нечего? – шепчу ему. – Серьезно собрался идти танцевать в джаз-баре?

Вспоминаю, что у него сегодня была назначена встреча с Мирой. И не понимаю, он и в правду решил променять эту девушку на танцы со старушкой? Что с этим мужчиной не так?

– Я не был в такого рода заведении уже много лет. Спасибо миссис Лоран, что пригласила меня, – он улыбается, посмотрев мне за спину.

Обернувшись, сталкиваюсь на пороге с Элеонорой.

– Ты, дорогой, не обижайся на Марианну, – обращается она к нему.

– Я не могу на неё обижаться, – улыбаясь, вновь не сводит

с меня глаз.

Вспомнив наш недавний разговор, готова стореть от смущения.

– Я пойду. Проведите хорошо время, – договорив, спешу покинуть помещение и скрыться у себя в комнате.

Только закрыв за собой дверь, выдыхаю с облегчением. Под таким пристальным взглядом Итана было невозможно дышать. Сумасшедший день и сумасшедшие эмоции.

Прохожу к постели, раздеваюсь и прячусь в ней. Закрываю глаза и стараюсь поскорее уснуть, чтобы вновь увидеть Лукаса. Около часа кручусь из стороны в сторону, засыпаю, но вновь просыпаюсь. Никаких снов и новых встреч с Лукасом.

Психанув, я снова встаю с кровати, иду в ванную, принимаю душ, чтобы взбодрить себя, раз не получается заснуть. Хочу доделать работу, но что-то во мне щёлкает, и я решаю пойти в джаз-бар. Надев своё новое платье и собрав волосы в пучок, выхожу из дома.

Зайдя в бар, я осматриваюсь и нахожу в другом конце зала Итана. Удивляюсь, увидев его, так как думала, что он, всё-таки, проведёт старушку до места и уйдет, найдя для этого уважительную причину. Прохожу к Майеру.

– Не смогла уснуть? – обращается ко мне он, когда я подхожу к нему.

– Сон, как рукой сняло. А ты почему не танцуешь?

– Только сел. Там у меня появился конкурент, – улыбается он, указав взглядом на танцпол, где Эла танцует с мужчи-

ной. – Решил не мешать.

– Это её постоянный партнёр по танцам. Где бы они не встретились, всегда танцуют вместе.

– Значит, я сделал всё правильно.

– Я всё же удивлена, что ты согласился на это безумие. Мне кажется, с Мирой было бы куда интереснее.

– Позволь мне решать, с кем мне было бы интереснее.

Пожав плечами в ответ, я вновь поворачиваю голову в сторону танцпола.

– Дженни понравилось бы это место, – говорит он, смотря в том же направлении.

– Дженни – это твоя сестра? – делаю предположение, посмотрев на него.

– Да. Она очень любила танцевать.

– Мы бы с ней подружились.

– Правда?

– Обе любили дождь и танцевать. Уверена, между нами было что-то ещё общее.

– Ты разве не боишься дождя?

– Боюсь, но раньше любила, – делаю паузу, смотря на танцующих людей. – И танцы раньше любила.

– Но больше не танцуешь? – предполагает он.

– Именно, – отворачиваюсь от сцены и переключаю всё свое внимание на него.

– Не представляю тебя танцующей, – улыбается и смотрит на меня пристально.

– Я была совсем другим человеком раньше.

– И улыбалась?

– Много улыбалась.

– Я многое упустил. Жаль, мы не встретились раньше, – он продолжает меня изучать, и я прячу взгляд в сторону.

— Я, кстати, не была фотографом в прошлой жизни. Поэтому, возможно, между нами не нашлось бы точек соприкосновения.

– А кем ты была?

– Училась на юриста.

– Почему же не нашлось бы? – широко улыбается он. – Я тоже окончил юридический. Мой покойный отец мечтал, чтобы я пошёл по его стопам.

– А у меня мечтала моя мама. Если бы не авария, я так и не решилась бы уйти с юридического.

– А как пришла к фотографии?

Я рассказала ему про Елену. Мы разговорились, и Итан предложил сходить в кафе напротив, где можно посидеть в тихой, спокойной обстановке. Я принимаю его предложение, так как голова идёт кругом от здешнего шума.

Мы переходим дорогу и входим в кафе. Я давно не бывала в красивых заведениях, поэтому было приятно оказаться в этом месте. Успокаивающая фоновая музыка, живые цветы, свечи и мягкие диваны.

– Что будешь заказывать? – интересуется у меня мужчина, когда я пару минут изучаю меню.

– Греческий салат и воду, – возвращаю меню официантке.
– А во фруктовой тарелке есть апельсины? – интересуется

Итан у девушки.

– Да, – отвечает она ему, и мужчина просит принести и её.

Мне становится приятно, что он запомнил про апельсины.

Приняв заказ, официантка уходит.

– Я, кстати, вырос на этой улице, – Итан показывает на что-то позади меня. Я оборачиваюсь и вижу скромное здание с жилыми квартирами. – Мы жили в этом доме.

– Мне казалось, ты из более престижного района, – поворачиваюсь обратно к нему лицом.

– Нет, мы долго жили здесь. Поэтому, я согласился на предложение Элеоноры. Как говорится, нашёл повод вернуться сюда.

– Теперь-то все ясно. А то я уже испугалась, что ты предпочёл нас модели, – говорю, шутя.

– Я предпочёл тебя, если быть точнее, – отвечает серьёзной, но улыбается.

Опять начинаю чувствовать сумасшедшее стеснение. Зачем только спровоцировала его на такой разговор.

– Позволишь? – он тянет руку к моему лицу, и я цепенею

Смотрю на него испуганно, жду, что он сделает. Он касается палочек, что держат мои волосы и вытаскивает их. Волосы падают на плечи.

– Зачем ты это сделал? – спрашиваю в недоумении.

– А зачем ты прячешь такие красивые длинные волосы? –

говорит, как ни в чём не бывало.

– Красивые? – брови взлетают вверх от удивления.

– Если ты хочешь сказать об обратном, то лучше промолчи, – отвечает он недовольно.

– Хорошо, я промолчу.

Чувствую, словно только что меня раздели на глазах у всех. Хочу собрать волосы обратно, но Итан не думает возвращать палки.

– Мне некомфортно с ними. Я отвыкла от распущенных волос.

Злюсь собственному ответу. Вместо того, чтобы расставить границы и не позволять ему больше делать подобное, я оправдываюсь перед ним.

– Очень зря. С ними ты становишься ещё красивее.

– Мы ведь друзья, не так ли? – решаю хоть как-то увеличить дистанцию между нами.

– А друзья не могут говорить друг другу комплименты?

– Ну не после сегодняшнего разговора, – говорю твёрже.

– Не усложняй, ёжик, – улыбнувшись, он откидывается на спинку дивана.

– Разве я усложняю? Просто хочу внести ясность, чтобы мои согласия на твои предложения не давали тебе ложных надежд.

Меня передергивает от высокомерности собственных слов.

– Боже, как нелепо это всё звучит. Ты серьёзно, Итан? Те-

бе реально есть дело до такой, как я?

– А какая ты? – спрашивает недовольно.

– Да никакая! – отвечаю я слишком возбуждённо. – Ты слеп? Посмотри на меня.

– Смотрю. Мне нравится.

– Я видела женщин, которых ты фотографируешь, вот они – красивые. А я... Нет во мне ничего интересного. Поэтому и не пойму, какую игру ты затеял.

– А я вижу большие необычного цвета глаза и потрясающие рыжие волосы, которые ты зачем-то постоянно прячешь в хвост.

Весь этот разговор доставляет мне дискомфорт. Ощущение, что каждое слово Итана, которое я принимаю, оскверняет мои чувства к Лукасу. А я поощряю это.

– Послушай меня внимательно, – говорит он, оттолкнувшись от спинки дивана и поддавшись вперёд. – Ты мне нравишься и неважно, в качестве кого. В моих глазах ты ничем не хуже тех женщин, которых я фотографирую. Больше скажу, ты чудеснее их всех, – с трудом выдерживаю его взгляд на себе. – Ты не соглашалась ни на что, что могло бы дать мне ложных надежд. Или ты думаешь, что я такой наивный дурак, решу, что после пары поездок со мной, обручальное кольцо слетит с твоего пальца? Я услышал тебя в тот день, уважаю тебя и твои чувства к жениху и принимаю это.

– Тогда зачем возишься со мной, если понимаешь, что кольцо останется на месте?

– Просто. Без какого-либо подтекста. Тебе не нравится моё общество?

– Нравится, но...

– Вот и все, – перебивает меня. – Не нужно мне твоё "но".

– Просто...

– Ёжик, – он улыбается, дабы меня смягчить и успокоить. – Давай назовём наше общение дружбой, договорились?

– А может просто увеличим дистанцию?

– То есть, ты не планируешь работать на меня? – хитро улыбается он.

– Что? – от удивления я вскидываю брови вверх. – Ты уже решил, что я буду в твоей команде?

– Решил.

– Это потому, что я тебе...? – не могу продолжить своё предложение. Стесняюсь.

– Нет, я не смешиваю своё личное отношение с профессиональным. Ты нравишься и мне, и Диане, как фотограф. Ты труженица и большая молодец.

У меня перехватывает дыхание от неожиданности и радости. Весь предыдущий разговор будто растворяется и исчезает. Мне снова легко и хорошо рядом с этим человеком.

– И как в таком случае ты собралась увеличивать дистанцию между нами?

– Будем коллегами. Без всяких кафе, крыш и поездок до дома, – улыбаюсь краем губ, хотя понимаю, что мои слова сейчас – лукавство.

– Нет. Будем друзьями. С кафе, крышами, поездками и комплиментами. Обещаю, я не сделаю ничего, что заставит тебя пожалеть об этом, – улыбается мне и возвращает палки.

Его мягкий взгляд действует умиротворяюще. Я верю его обещанному слову и не хочу лишний раз драматизировать ситуацию.

Приняв палки, от чего-то мне не хочется собирать волосы обратно, но я беру себя в руки и убираю волосы в пучок. Мне кажется, оставь я их, Итан бы воспринял это, как моё принятие его слов о моей красоте. А это не так. Я продолжаю чувствовать себя безликой.

Итан меняет тему разговора на рабочую. Говорит о команде, о планах. А я слушаю его и не могу поверить, что буду частью этого всего. Только от мысли, сколько возможностей откроется передо мной, тело покрывается мурашками. Я куплю желанный фотоаппарат. Куплю ноутбук, и это позволит мне работать даже за пределами дома. И однажды, накоплю достаточно денег, чтобы улететь отсюда. В город без воспоминаний, где, возможно, я смогу вновь задышать полной грудью.

Глава 8

– Здесь красиво, не так ли, ёжик? – слышу голос Итана позади себя.

– Здесь невероятно, – отвечаю, не отрывая глаз от берега моря, где летают чайки. – Столько лет здесь живу и никогда не видела этого места.

– Это из-за его труднодоступности, – он встаёт рядом.

– Спасибо, что выбрал меня, – наконец, смотрю на него.

Пару дней назад Итан принимал решение, кого возьмёт помощниками с собой на съёмку. Выбрал меня и Алекса – на мой взгляд – лучшего в нашей группе. Я была рада, что он остановил выбор на нём и мне, и старалась не обращать внимание на то, что за спиной перешёптывались, обсуждая, что Майер принял решение относительно меня из жалости.

– Мне комфортно с вами работать, – отвечает Итан.

– Алекс прекрасный фотограф.

– Согласен. У него большое будущее, – он переводит взгляд на меня. – И у тебя тоже.

К нам подходят Алекс с командой из трёх стилистов, которые будут заниматься образом модели. поприветствовав друг друга, Итан направляется к рабочему фургону, и вместе с водителем они начинают доставать из автомобиля всё необходимое для съёмки и подготовки модели. Одетый в белые брюки и белую льняную рубашку, расстёгнутую на гру-

ди, он гармонично вписывается в общую картину на пляже. Я слежу за каждым его движением. Он настолько владеет собой, что на какой-то момент, мне кажется, что я смотрю рекламу мужского парфюма, где он в главной роли. Если бы не Алекс, стоящий рядом со мной, я бы уже подняла камеру и, пока никто не видит, сфотографировала Майера.

– Марианна, – обращается ко мне парень. – Не слушай девчонок, ты заслужила быть здесь.

– Спасибо. Я стараюсь не обращать на них внимания.

– Это от зависти. Очевидно же, что Итан тебя выделяет среди всех остальных. Женскую половину группы это не устраивает.

Я не нахожу слов, чтобы ему ответить, лишь с лёгкой улыбкой на губах киваю в ответ.

– Но это не значит, что ты недостойна этого места. По моему, ты единственная, кто усердно учится всему. И Диана с Итаном это отмечают.

– Спасибо, Алекс.

– Посчитал нужным сказать тебе это. Не хочу, чтобы ты думала, будто мы с ребятами разделяем мнение девочек.

– И я благодарна тебе за это.

Всё-таки не зря я с детства выбирала дружбу с мальчиками. С ними намного легче – они ничего не усложняют и чаще воспринимают реальность такой, какая она есть.

– У Итана определённо отменный вкус, – Алекс расплывается в улыбке, смотря в сторону.

Следую за его взглядом и замечаю идущую к нам девушку. Очень привлекательную и сексуальную. Она совсем не похожа на Миру, ни внешностью, ни манерами. Держится совсем иначе – гордо. Майер, увидев её, как и Алекс, расплывается в улыбке. Оставляет работу и идёт ей навстречу. Оказавшись рядом, останавливаются, приветствуют друг друга объятиями, а после начинают о чём-то разговаривать, оставшись на месте. Мои глаза против воли постоянно смотрят на них, мне интересно, о чём они так увлечённо разговаривают, не замечая никого вокруг.

Когда они, наконец, подходят к фургону, Итан представляет нас всех друг другу, и мы приступаем к работе. Майер ухаживает за ней, приносит кофе, спрашивает, всё ли у неё хорошо. «Не дует? Не жарко? Всё нравится?» – малая часть его вопросов ей. К Мире он относился иначе, с большим безразличием.

Когда визажист со стилистом заканчивают свою работу, от Вики невозможно оторвать глаз. Если она во мне пробуждает бурю эмоций одним только видом, то боюсь представить, что происходит сейчас с мужской половиной группы. Вики подходит к Итану, который стоит на берегу и настраивает камеру, и о чём-то заводит с ним разговор. Мужчина, естественно, опускает фотоаппарат и всё своё внимание уделяет ей. Что-то объясняет Вики, она слушает его, кивает, касается воротника мужской рубашки, плавно опускается пальцами вниз, а после проскальзывает под ткань, коснувшись его

кожи. Я отворачиваюсь, понимая, что происходящее между ними не для чужих глаз.

Через минут пять начинается съёмка. Майер очень сосредоточен на Вики и на нашей работе с Алексом. Делает замечания, когда видит, что мы встаём не туда или неправильно работаем со светом. Но в основном он зациклен на ней. В какой-то момент, я вдруг начинаю осознавать, что его симпатия ко мне – это такая мелкая капля, что даже переживать по этому поводу не стоит. Таких, как я, которые ему нравятся – море, а значит и не нужно придавать этому большого значения и бояться сделать или сказать что-то не так.

Пару часов съёмки проходят незаметно. Я пребываю в таком восторге от Вики, от работы Итана, от своих кадров, что всё начинает казаться миражом – невозможным.

– Ты такая красивая, Марианна, – обращается ко мне модель, когда мы остаёмся наедине, и я помогаю ей расстегнуть платье.

Слышать комплимент от женщины, тем более такой красивой, как она, приятно вдвойне, даже если я с ней не согласна.

– Ты тоже. Всю съёмку у меня перехватывало дыхание от снимков, которые получались.

Она смеётся, благодарит меня. Платье расстёгивается, и она снимает его с себя, оставшись в бикини и с голой грудью.

– Не помешаю? – подходит к нам Итан.

Вики прикрывает своё обнажённое тело платьем.

– Нисколько, дорогой. Ты не видел мою блузку?

– Она? – он поднимает с песка шёлковую рубашку и, не отводя глаз от её лица, протягивает ей.

– Она. А теперь отвернись, я переоденусь.

– Ладно, мне пора, – не желая мешать им, стараюсь поскорее уйти. – Приятно было познакомиться и поработать с тобой, Вики.

– Взаимно, милая.

Я хочу пройти мимо Майера, но он, отвернувшись от Вики, чтобы та переоделась, останавливает меня, коснувшись плеча.

– Ты не против, если тебя довезет Алекс?

– Нет, конечно, – отвечаю с лёгким недоумением, но стараюсь его скрыть.

– Отлично, – он поворачивает голову в сторону Вики.

– Итан, я ещё не одета, – произносит с игривым недовольством.

– Я жду тебя у машины, – улыбнувшись, обращается к ней.

А потом вновь переводит своё внимание на меня. Улыбка его меняется, становится более мягкой, без капли похоти, что только что была на его лице. Не желая больше находиться рядом с ними, я прощаюсь и ухожу прочь.

Алекс ждёт меня у своего автомобиля, увидев, что я подхожу, садится за руль, и вскоре я присоединяюсь к нему на пассажирское сидение. Я благодарю его, что согласился меня подбросить, и какое-то время мы едем в полной тишине.

Мысли вихрем проносятся в голове. Только недавно Майер говорил, что я ему нравлюсь, а сегодня скинул меня, как ненужный балласт, чтобы освободить место для Вики.

– Как думаешь, между ними что-то есть? Я про Итана с Вики, – вырывается из моих уст.

Я моментально одёргиваю себя. Какая мне разница, что происходит у Майера с другими женщинами?! Надеюсь, что Алекс не услышал мой вопрос, но увы, мои слова звучали громко и чётко.

– Уверен в этом. За эту съёмку Вики успела взглядом раз десять раздеть Итана и переспать с ним, – смеётся парень.

– Это ты точно, – решаю подыграть его веселью, желая отвести от себя любые подозрения. – Я не следила за Итаном, но думаю, он тоже не отставал от неё.

– Я тоже за ним не следил. Слишком был увлечён съёмкой.

– Она получилась изумительной. Вики потрясающая, – быстро меняю тему разговора.

– Поддерживаю.

Всю оставшуюся дорогу мы ехали, обсуждая учебу у Майера, Диану, съёмки, задания. У нас сходились с ним мнения, и нам двоим нравилось обучение в школе.

Доехав до дома, я благодарю Алекса за то, что согласился подбросить меня и выхожу из машины.

Весь вечер я просматриваю фото Вики. Нахожусь под таким впечатлением от полученных кадров, что тут же прини-

маюсь за их обработку.

Когда на часах пробивает полночь, я отправляю несколько снимков Майеру на почту и ложусь спать. Завтра мне рано вставать, чтобы успеть на автобус, который едет в деревню, где живет мама Лукаса. У неё день рождения, и я хочу сделать ей сюрприз.

Глава 9

– Моя родная, – со слезами на глазах, женщина бросается ко мне в объятия, когда я с букетом цветов вхожу в ворота её дома.

Я обнимаю её крепко и целую. Её волосы всё так же пахнут шампунем Лукаса. Она, как и я, не смогла отпустить прошлое. В доме всегда надушено его духами, а голову она моет только одним мужским шампунем, которым пользовался сын. Поэтому я редко приезжаю к ней. Этот дом – эпицентр моей катастрофы. Все чувства обостряются до предела. И я не знаю, куда деть свою голову и сердце, чтобы не сойти с ума. Но за последнее время, я успела соскучиться не только по ней, но и по Лукасу. Из-за работы и учебы, его всё меньше стало в моих мыслях. И мне его не хватало.

Мы проходим на задний двор, где сидят её родная сестра с племянником. Они, увидев меня, расплываются в улыбке, встают и подходят поприветствовать меня.

После смерти Лукаса, Линда осталась совсем одна. Муж бросил её еще беременной и ушёл к другой. Она так и не оправилась от этого предательства, не смогла больше довериться мужчинам и построить новую семью.

После нашей аварии её здоровье ухудшилось. Теперь ей необходимо до конца жизни принимать таблетки, чтобы поддерживать работу сердца и щитовидной железы. Будь я на её

месте, давно бы перестала их принимать, но она верующий человек и самоубийство для неё – большой грех, на который она никогда не пошла бы.

И в этом персональном аду её поддерживала родная сестра, которая живёт по соседству с ней и не даёт поникнуть.

Минут через пятнадцать я захожу в дом. После смерти Лукаса я приезжала сюда лишь однажды на похороны, но выбежала из дома, не выдержав и минуты. Сердце замирает, когда оказываюсь внутри. Маленький, скромный, но такой родной и любимый домик. Мы с Лукасом проводили здесь много времени, когда не хотелось никуда выходить. Порой, я оставалась тут с ночёвкой, когда Линда уезжала в гости к родным на несколько дней. И в эти дни мы с Лукасом сходили с ума друг по другу. Отключали телефоны и были представлены друг другу полностью, без остатка.

Мы засыпали и просыпались вместе, готовили завтрак, убирались, дурачились, всё делали вместе. Мы казались настоящей семьёй, и я была так счастлива рядом с ним. Всё было волшебным.

Прохожу в гостиную, в углу на комодѣ стоит фотография Лукаса. Вижу его улыбку, и моё, итак, разбитое сердце вновь разбивается вдребезги. Я не храню его фотографий, они терзают мне душу. Удалила и отдала их все.

Подхожу к рамке, откуда на меня смотрят любимые глаза, беру её в руки, губами касаюсь его лица.

– Я скучаю, любимый, – шепчу так тихо, чтобы слышно

было только ему.

Прижимаю к груди и чувствую, как глаза наполняются слезами. Не хочу больше видеть никого. Хочу спрятаться от всех. Остаться наедине с Лукасом. Закрывать глаза и думать, что он рядом.

Но увы, вскоре приехали ещё гости, и мы с Линдой весь день пробыли на кухне: готовили, пекли, а к вечеру накрыли во дворе стол. Я рассказала ей про работу и учёбу. Про свои планы на жизнь. Ей не очень пришлась по душе моя идея переехать в другой город, но переубедить меня она не стала. Единственное, о чём я не смогла рассказать ей, это про Итана. Хоть между нами ничего и нет, но от чего-то мне стыдно о нём говорить с ней.

До самой глубокой ночи все сидят за столом, общаются, поддаются воспоминаниям и много смеются, несмотря на одно общее горе. Я же молчу, оставаясь лишь слушателем в стороне. Мне есть, что рассказать, в особенности про Лукаса, но как только я открываю рот, слова начинают душить меня, и я начинаю задыхаться.

Когда все гости расходятся, с разрешения Линды, я прохожу в комнату Лукаса, чтобы переночевать в ней – в постели, которая хранит так много наших воспоминаний. Войдя в неё, сердце замирает. В комнате всё так же пахнет им, а на прикроватной тумбе стоит наша с ним фотография. Всё вокруг такое, каким было раньше, словно время здесь остановилось. На мгновение мне кажется, что сейчас Лукас откро-

ет дверь в спальню, зайдёт, обнимет сзади, прошепчет ласковое слово на ухо, и я начну медленно терять рассудок.

Только я хочу раздеться и лечь в кровать, как раздаётся звонок. Поднимаю телефон и, увидев, что звонит Итан, сначала хочу сбросить вызов, но что-то заставляет меня его принять.

– Привет, ёжик, – приветствует он, как только слышит мой голос.

– Привет. Прости, я не успела прочесть твоё сообщение. Надеюсь, там не было ничего важного.

Утром он написал мне sms, но я отвлеклась, так как опаздывала на автобус и в итоге совсем забыла про него.

– Ничего значительного. Написал, что мне понравились твои работы. А Вики пищала от радости, когда их увидела. Так что, ты большая молодец.

Мой разум мгновенно реагирует на его слова, цепляясь лишь за самую неприятную их часть. Понимаю, что они были вместе, когда Итан открыл файл с моими снимками. И тут же в ярких красках представляю, как они провели эту ночь вместе, а утром вместе проверяли его почту. Быстро беру себя в руки, стряхивая с себя все эти мысли.

– Я рада, что ей понравилось. Спасибо, что позвонил.

– Хотел узнать, всё ли в порядке? Ты не ответила на сообщение, потом и звонки мои игнорировала.

– Ты мне звонил? Прости, я приехала с утра к маме Лукаса, мы отмечали её день рождения. Только взяла телефон в

руки, – чтобы не шуметь, выхожу во двор, устраиваюсь поудобнее на гамаке и застываю глазами на небе.

– Вот как, – делает небольшую паузу. – Значит, ты сейчас не дома?

– Нет, останусь здесь на пару дней.

– А я в ваших краях, думал встретиться.

– Как-нибудь в следующий раз, – отвечаю отстранённо.

После вчерашнего, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не показать ему своей обиды. Внутри всё сгорает от неприятных эмоций, хоть разум и твердит, что Итан поступил логично. И в его поступке нет ничего оскорбительного.

– Заметила, какое сегодня красивое небо? – спрашивает всё так же умиротворённо после недолгого молчания.

Его вопрос заставляет меня улыбнуться, ведь только что, при виде неба, усыпанного тысячей сияющих звёзд, у меня самой промелькнула мысль, какая сегодня по-особенному красивая ночь,

– Заметила. Я сейчас лежу во дворе и смотрю прямо на него. Оно завораживает.

– Жаль, ты не дома. Я хотел показать тебе одно место. Оттуда открывается чудесный вид.

– Лучше, чем с крыши?

– На небо – да.

На миг даже становится грустно, что я не дома. Любопытно, какое место он хотел мне показать, ведь зная его, я уверена, оно сказочное.

– У тебя есть мечта, Итан? – спрашиваю, вместо прощания.

Удивляюсь самой себе, ведь ещё минуту назад, я планировала попрощаться с ним и завершить разговор. А сейчас, заворожённая небом, спрашиваю о таких сокровенных вещах у чужого человека. Я схожу с ума.

– Мечта? – он задумывается. – Давно уже нет.

– И даже какого-то желания?

– Даже его. Всё, что хочу, я получаю сразу, – задумывается. – Либо в короткие сроки.

– Досадно, наверное? Конечно, есть свои плюсы в том, что мир у твоих ног, но как же эйфория от сбывшейся мечты?

– Согласен. Раньше, когда было меньше возможностей, эмоций было больше. Сейчас всё воспринимается как должное.

– Тебе обязательно нужно загадать нечто более недостижимое. Подумай, уверена, есть что-то, что не так легко получить.

Он молчит, словно прислушавшись к моим словам, и чуть помедлив спрашивает:

– А у тебя есть мечта?

– Я давно ни о чём не мечтала, – замолкаю, обдумывая, стоит ли с ним делиться своими мыслями. – Постоянно прокручиваю в голове, как было бы замечательно уметь воскрешать людей.

– В таком случае, я бы обратился к тебе за помощью, –

слышу по голосу, что он улыбается.

– Жаль, что она так и останется мечтой.

– С другом стороны, будь иначе, я бы сейчас с тобой не разговаривал. Кажется, твой жених был очень ревнив.

– Но зато рядом с тобой была бы сестра, а со мной – семья и любимый. Мне кажется, это дороже нашего с тобой общения.

Вслух слова звучат оскорбительнее и резче, чем я предполагала. Становится стыдно перед Майером, поэтому я стараюсь быстро отвести внимание от собственных слов:

– Знаешь, до аварии у меня была одна мечта, – я закрываю глаза, вспомнив об этом желании. – Всегда хотела увидеть снег. Представляла, как просыпаюсь утром, выглядываю в окно, за ним сыпется хлопьями снег, а вдали виднеются заснеженные горы, – произношу с наслаждением каждое слово.

– Это прекрасная мечта, Марианна, – говорит он мягко.

– Правда прекрасная? – приободряюсь я. – Я предложила Лукасу на медовый месяц полететь в снежную страну, но ему это показалось глупой идеей.

– Здесь нет ничего глупого. У нас круглый год лето. Это естественно, что ты хочешь увидеть, как выглядит настоящая зима.

– Да. Именно, – улыбаюсь его словам, так как он озвучил мои мысли. Как же приятно, когда тебя понимают без слов.

Он рассказывает мне, как путешествовал в снежных кра-

ях, а я с жадностью впитываю каждое его слово. В моём окружении редко встречались люди, видевшие снег. А те, кто видел, рассказывал об этом настолько посредственно, что я отказывалась их слушать, не желая портить свои впечатления. Итан же описывает всё так, что на миг кажется, будто я всё вижу своими глазами. И это пробуждает во мне желание вновь начать мечтать.

Когда разговор подходит к концу, и я чувствую, что пора прощаться, из моих уст невольно вырывается вопрос, который я обещала держать при себе:

– Итан, а ты со всеми своими клиентками находишься в тесных отношениях?

Не верю, что задала этот вопрос вслух. Мне становится так стыдно за своё любопытство, что хочется провалиться сквозь землю.

– А что для тебя тесные отношения? – спокойно интересуется он. – Флирт, секс, любовь?

Его последние слова вгоняют в краску. Он говорит о них с такой лёгкостью, будто ведёт разговор о погоде. А я смущаюсь пуще прежнего.

– Я имела ввиду флирт. Прости за моё любопытство, просто мне сначала показалось, что ты увлечён Мирой, но потом появилась Вики, – останавливаюсь, не зная, как закончить свою речь.

– Мы уже как-то обсуждали это. Я питаю слабость к красивым женщинам. С некоторыми из них флиртую, с другими

держу профессиональную дистанцию.

– И девушек это устраивает? Или каждая думает, что она единственная?

– Я слишком откровенный, чтобы они так думали, – усмехается он.

– Мне обидно за них.

– Поверь мне, их всё устраивает.

– То есть, ты не разбиваешь никому сердца?

– Ёжик, – он начинает смеяться в голос. – До чего ты милая.

– Не смешно, Итан, – говорю, а у самой улыбка на лице появляется. – Я чувствую себя твоей соучастницей.

Он что-то отвечает мне, но я не успеваю услышать, так как во двор выходит Линда, и я отрываю телефон от уха.

– Марианна, это ты? – вглядывается она в темноту.

– Да. Я разговариваю по телефону. Сейчас подойду.

– Нет-нет, дочка. Я просто услышала шум, решила проверить. Разговаривай спокойно.

Не дождавшись моего ответа, она заходит обратно в дом, а я вновь прикладываю телефон к уху.

– Прости, мама Лукаса выходила.

– Тебе пора? – спрашивает он.

– Да. Спасибо за разговор, и ещё раз прости мне моё любопытство.

– Надеюсь, я утолил его. Спокойной ночи, Марианна. Не думай больше о глупостях.

– В полной мере. Спокойной ночи, Итан.

Попрощавшись, я отключаю звонок. Ещё несколько минут нежусь на гамаке, смотря на звёзды. Вспоминаю рассказ Итана про горы и снег, улыбаюсь, согреваясь его словами. И только потом встаю с места и иду домой.

Нахожу Линду на кухне, она заваривает нам чай. Сажусь за стол, внимательно следя за каждым её движением. Она так постарела за эти годы. Совсем осунулась.

– Вспомнила день, когда Лукас рассказал мне про тебя, – говорит она с грустной улыбкой на лице.

Ставит одну чашку с чаем передо мной, вторую держит в руках и садится рядом.

– Проснулась поздно ночью от шума во дворе, выхожу и слышу, как он смеётся, а следом добавляет, что любит тебя, – останавливается, отпивая чай. – Он даже не заметил моего присутствия. Я ушла и только на утро не удержалась от любопытства и пришла к нему с разговором. Он тут же засиял, достал телефон и показал твоё фото. Раньше всегда отнекивался, ругался, когда пыталась интересоваться его личной жизнью, а тут совсем другая реакция. Я видела, как он был горд, что ты рядом с ним.

– Вы никогда не рассказывали мне об этом.

Её слова согревают и ласкают мой слух. Хочется поставить на паузу время и до конца жизни слушать её рассказы про Лукаса. Про нас.

– Ты напомнила мне о нём.

– Я? – хмурю брови, не понимая её.

– Тоже лежала, улыбалась и о чём-то шепталась по телефону.

– Господи, Линда, – я чувствую, как начинают полыхать мои щёки от стыда. – Вы ведь не подумали, что я говорила с кем-то, в кого влюблена?

– Ты произвела именно такое впечатление, – она мягко улыбается. – И я буду рада, если не ошиблась.

– Вы ошиблись, – оскорбляюсь я. – Как вы могли подумать такое?

– В этом нет ничего зазорного.

– Это был мой друг, – продолжаю краснеть. – Он фотограф и владелец фотошколы, в которой я учусь.

Она улыбается мне так, словно мои слова ничего ей не доказывают.

– Он тоже потерял сестру, понимает меня и поддерживает. Между нами нет ничего, о чём вы подумали.

– Ты оправдываешься. Только зачем? Я ведь, наоборот, хочу, чтобы ты жила дальше. Или хочешь закончить, как я? Остаться одной, без любви и детей?

– Я не загадываю так далеко. Но сейчас не хочу видеть рядом с собой никого, кроме Лукаса.

– Послушай меня, девочка, – она касается моей руки. – После того, как отец Лукаса ушёл, бросив меня беременную на улице, через пару месяцев я встретила мужчину. Замечательный человек. Он помог мне с работой, с жильём, был

рядом, когда родила Лукаса и ещё долгое время после. Он любил меня, признавался в этом неоднократно, а я воротила носом, разочарованная в мужчинах и в любви. Мне казалось, что он поступит со мной так же, как бывший муж, поэтому всегда держала его на расстоянии. Со временем, он отдалился от меня, потом встретил другую и женился. До смерти Лукаса мы поддерживали связь с ним и его семьей. Он оказался хорошим и верным семьянином. И я всегда смотрела на его жену с завистью, понимая, что если бы не держалась за прошлое, то могла бы быть на её месте. Но я упустила все шансы быть счастливой. И не хочу, чтобы с тобой случилось подобное.

– Но Лукас не бросал и не предавал меня.

– Но его больше нет рядом, а у тебя вся жизнь впереди, – продолжает она настойчиво.

Её лицо искажается, словно она чувствуют вину передо мной. Старается это скрыть, но я улавливаю это чувство. Становится не по себе.

– Что с вами? Почему вы так хотите, чтобы я забыла вашего сына и шла дальше?

– Я не хочу, чтобы ты его забывала. Твоя верность и любовь к нему, радость для моего материнского сердца. Но я и тебя люблю, как родную дочь, поэтому не хочу, чтобы ты страдала.

– Линда, – в голове вдруг мелькает вопрос Итана. – А что, если бы Лукас был жив, а меня не стало? Он вёл бы себя

иначе, не так, как я? – смотрю на неё внимательно, стараясь не пропустить ни одной её эмоции.

Она молчит какое-то время, глаза вдруг отводит в сторону. Мнётся, словно нервничает.

– Не знаю, – отвечает она неуверенно. – Но, если бы он вёл себя, как ты, то я просила бы его о том же, о чём прошу тебя сейчас.

– И он бы прислушался? Поймите меня правильно, я хочу понять, как поступил бы с нашими отношениями Лукас. Ведь два года – это небольшой срок для тех, кто клялся любить вечно.

– Он никогда меня не слушался.

Я чувствую, что ей не нравится этот разговор, а точнее, мои вопросы.

– Просто останься папа в живых, он больше не задумался бы о любви с другой женщиной. И мама тоже, – добавляю я.

– Не сравнивай вас с ними. Они прожили вместе много лет и построили крепкую семью.

Её слова неприятным эхом раздаются в сердце.

– Вы намекаете, что мы слишком мало были вместе и неизвестно, построили бы крепкую семью?

– Я не это имела ввиду, – говорит она, но глаза твердят об обратном.

– А, по-моему, именно это, – не желая продолжать этот разговор, я встаю с места. – Спокойной ночи, Линда.

Она не настаивает на том, чтобы я осталась, желает мне

сладких снов, и я выхожу из кухни, направляясь в комнату Лукаса. Очевидно, ей тоже не пришёлся по вкусу наш диалог.

Захожу в спальню, раздеваюсь и зарываюсь в холодную постель, спрятавшись полностью под одеяло и свернувшись в кокон. Хочу избавиться себя от мысли, которая засела в голове, будто Лукас на моём месте сейчас уже был бы с другой. В красках представляю, как он целовал бы её, спал с ней и говорил слова любви. Глаза наполняются слезами от колющей боли в груди. Не хочу думать об этом, хочу выкинуть из головы весь этот хлам, который каким-то образом оказался в моей голове. Я сказала Итану, что хотела бы, чтобы Лукас был счастлив, не жил такой жизнью, какой живу я. Но, кажется, я солгала. Мне претит мысль о том, что его счастье могло зависеть от другой женщины.

Вылезаю из-под одеяла, дотягиваюсь до рамки с нашей фотографией, стоящей на тумбе, беру её и обнимаю. Закрываю глаза и стараюсь убедить себя, что обнимаю живого человека, а не бездушный предмет.

– Никогда и никого не любил так, как люблю тебя, – шептал Лукас мне на ухо в этой самой постели. – Кому-то нужно ехать в храмы, другие страны, чтобы почувствовать себя спокойно и счастливо. Мне для этого достаточно обнять тебя, – продолжал он, обнимая меня сзади.

Я прижималась к нему крепче, расплываясь в улыбке, ведь это было взаимно.

– Когда люди говорят такие слова, они не способны быстро найти замену любимому, – твержу я самой себе, стараясь успокоиться.

Полночи не могу уснуть, возвращаясь мыслями в наши дни с Лукасом. Как же было тогда хорошо. Всё вокруг казалось волшебным и возможным.

Глава 10

Спустя несколько дней я возвращаюсь обратно в город и еду на кладбище к родным. Все эти дни прошли незаметно. Тему ночного разговора с Линдой мы больше не поднимали, и в целом провели хорошо время. Мы собирались компанией, играли в настольные игры, говорили обо всём на свете и порой смотрели старое, доброе кино. Лишь с наступлением ночи, я пряталась в комнате под одеялом и плакала, пока глаза не закрывались от слёз и усталости.

– Привет, мам, – целую камень, нагретый от солнца. – Я скучала по вам. Как у вас дела? – спрашиваю я, прибираясь вокруг могил. – Была у тёти Линды. Все родные приехали её навестить в день её рождения, она была очень рада нас всех видеть.

Подметаю землю от скопившихся листьев и мусора. Рассказываю им, как проходили мои дни и последние новости наших знакомых. Когда я говорю с ними, моё воображение рисует картину нашего дома. Что мы, как прежде, собираемся за нашим обеденным столом и делимся своими историями.

– Линда снова говорила мне отпустить Лукаса и идти дальше, – сажусь напротив трёх могил, сложив ноги под себя. – Объясните мне, разве это плохо любить одного человека и не хотеть никого другого? Почему она так рьяно по-

стоянно говорит мне об этом? – замолкаю на доли секунд. – Ведь два года – это не срок. За два года невозможно разлюбить и собрать сердце вновь по кускам. Но почему людям вокруг кажется иначе? Почему они думают, что за двадцать четыре месяца можно снова стать счастливой? Мне мало этого времени. Чертовски мало. Я только-только учусь не плакать перед сном, не умолять отчаянно небеса вернуть вас. Как ты думаешь, мам, как бы поступил Лукас? Почему у Линды был взгляд, словно он не достоин моей любви? Будто кричала, что он жил бы спокойно дальше? Это ведь невозможно, не так ли? Невозможно похоронить свои чувства вместе с человеком!

Останавливаюсь. Смотрю на три памятника, которые всё так же молчат. Искренне жду, что мне кто-нибудь что-нибудь ответит на мои рассуждения. Но в ответ тишина.

– Проклятье, – злюсь, но непонятно на что. – Ну ответьте мне! Хоть кто-нибудь из вас! Мне не с кем поговорить, не с кем поделиться своей болью и смятением. Почему вы молчите?! – глаза наполняются слезами.

Раздаётся звонок на телефон. Достая его из сумки. На экране высвечивается имя Итана. Принимаю вызов.

– Привет, – слышу его голос на том конце провода.

– Здравствуй, Итан, – отвечаю, вытирая слёзы.

– Ты у родителей?

– Да, а что?

– Шёл к выходу, увидел знакомый силуэт. Решил убедить-

ся, что это ты, — делает небольшую паузу, а я осматриваюсь в поисках его. — Ты отсюда в школу поедешь?

— Да. У нас ведь сегодня урок у тебя?

— Именно. Тогда, я подожду тебя на парковке, и вместе поедем.

— Не стоит, я сама доберусь, — отвечаю ему вежливо.

Как-то неловко от того, что он постоянно возит меня повсюду.

— Я настаиваю. Заодно расскажешь, как прошли твои выходные.

— Могу рассказать за десять секунд по телефону, — шучу я в ответ. — Самые обычные выходные. Уверена, у тебя они прошли веселее.

— Вот и сравним, — слышу, как он улыбается. — Не буду больше отвлекать, жду тебя в машине.

Он сбрасывает вызов, я кладу телефон обратно в сумку и смотрю на памятник родителей.

— Я пойду. Не хочу задерживать Итана, — стараюсь вспомнить, рассказывала ли я им про него. — Знаете, он единственная светлая полоса в моей жизни за последние годы. Вам бы он понравился.

Встаю с места, подхожу к ним, прощаюсь, поцеловав каждого, и иду в сторону парковки.

Итан говорит по телефону, облокотившись на машину. Увидев меня, расплывается в улыбке, что-то говорит себе-себе, отключает звонок и убирает телефон от уха. Я под-

хожу к нему, и он снова меня приветствует. Подходит ближе, свободной рукой тянется к моему лицу. Я замираю. Его действия всегда парализующе действуют на меня. Не могу ни отвернуться, ни запретить словами приближаться ко мне. Большим пальцем касается моей щеки, аккуратно проводит по ней, видимо вытирая оставшиеся слёзы, и сразу отпускает.

– Ты знаешь, как переводится твоё имя? – он смотрит пристально, мягко улыбаясь.

– Стыдно признаться, но нет, – отвожу от него глаза, не выдерживая его взгляда.

– Печальная красавица, – замечаю, что он хочет прикоснуться ко мне снова, но сдерживается. – Оно тебе несказанно подходит, – улыбается и приглашает сесть в машину.

– Это ты сам придумал? – я улыбаюсь краем губ в ответ.

– Нет, – открывает мне пассажирскую дверь. – Прочитал в интернете.

Как только я сажусь, он закрывает её за мной, и сам садится за руль. Первое время мы обсуждаем наши имена, потом рассказываем, как прошли выходные, а после между нами нависает приятная тишина. Она обволакивает и успокаивает.

Я украдкой смотрю на Итана. В голове мелькает мысль поделиться с ним своими переживаниями. Но останавливаю себя, решив, что незачем тревожить человека понапрасну.

– Я тебя слушаю, – он бросает на меня короткий взгляд,

следуя за дорогой.

– Не понимаю тебя.

– Вижу, что хочешь что-то сказать. Говори, – сбавляет скорость и поворачивает голову в мою сторону.

– Ерунда, – решаю не отнекиваться. – Уже передумала портить нам настроение по дороге.

– Оно ведь у тебя итак испорчено.

– А твоё нет.

– Спасибо за заботу, – улыбается он. – Но уверен, я справлюсь.

– Это касается Лукаса.

– Что-то произошло? – бросает на меня взволнованный взгляд.

– Нет. Просто я задумалась над твоим вопросом, как бы поступил на моём месте Лукас. Мне неприятна мысль, что он мог бы предать наши отношения.

– Если бы он был на твоём месте и спустя время встретил другую, это не было бы предательством, даже если бы он её полюбил.

– А как бы ты это назвал?

– Принятие реальности и стремление жить дальше. Моя мама потеряла отца, но спустя годы встретила другого мужчину, и живёт с ним. Это не значит, что она не любила или забыла отца. Просто позволила себе быть снова счастливой.

– Чувствую себя эгоисткой. И злюсь на себя и всех вокруг.

– Ты хранишь верность, и хочешь быть уверена, что он бы

хранил её так же, как и ты. По-моему, это нормальное желание, – он бросает короткий нежный взгляд на меня, касается моего подбородка и тут же отпускает его.

Я не успеваю даже среагировать. До моего сознания доходит его касание секундами позже. От волнения скручивает живот.

– Уверен, у вас всё было взаимно, – говорит он прежде, чем я успеваю подобрать слова, чтобы попросить его меня не касаться. – И ему потребовалось бы много времени, чтобы тебя отпустить. Так что, не грусти понапрасну.

– Ты так пытаешься меня успокоить? Или правда веришь в это?

– Правда верю в это и пытаюсь тебя успокоить, – широко улыбается в ответ.

Я благодарю его за слова поддержки, мне правда становится немного легче после разговора с ним. Мы едем минут пять молча. А потом он меня ошеломляет своим предложением:

– Мама с мужем устраивают сегодня барбекю. Присоединись?

– Спасибо, конечно, – бросаю на него удивлённый взгляд. – Но я буду не к месту.

– Я бы не приглашал тебя, будь это так. Хочу, чтобы ты познакомилась с ней. Мне кажется, тебе лучше поговорить с человеком, который прошёл то же, что и ты.

– Итан, по-моему, это выходит за дружеские рамки.

– Кто только установил их в твоей голове? Эти рамки, – улыбается, посмотрев на меня.

– Ну разве я не права? – закатываю глаза.

– Нисколько. Тебя успокоит, если я скажу, что придут ещё мои и их друзья?

– С этого и нужно было начинать – улыбаюсь краем губ. – Успокоит.

– Отлично. После урока поедем.

– Мне нужно будет переодеться, – смотрю на свои старые джинсы и футболку и понимаю, что неприлично будет приходить в гости в таком виде.

– Хорошо. Заедем, переоденешься и поедем.

– Договорились.

Доехав до школы, я стараюсь быстро покинуть общество Итана, чтобы нас никто не заметил вместе.

Весь урок сосредоточено слушаю его, хоть иногда и проваливаюсь в свои мысли. Осталось два последних занятия, и пора готовить дипломную работу, а я до сих пор не придумала, какой будет моя итоговая фотосессия.

После лекции о уличной съёмке, Майер предлагает выйти на улицу и попрактиковаться. Это оказывается отличной идеей. Принявшись за съёмку, я отключаюсь от реальности и погружаюсь в работу. Это единственное, что сейчас помогает мне забыть обо всём. Итан курирует всех, даёт советы. После подходит ко мне.

– Как успехи? – спрашивает он и ждёт, когда я покажу ему

кадры.

Поворачиваю фотоаппарат к нему экраном, он просматривает несколько снимков, улыбается мне и хвалит. Даёт несколько рекомендаций, указывая на недочёты, а после шепчет тихо на ухо:

– Через десять минут жду тебя в машине.

Хочу сначала попросить его встретиться на другом квартале, чтобы никто нас не увидел. Но решаю, что это глупо и по-детски, поэтому просто киваю в ответ. Не должно меня волновать, что думают обо мне другие, даже если это касается моей личной жизни.

Как Итан и сказал, через десять минут он всех отпускает, дав задание на дом. Подходит ко мне, даёт ключи от машины и говорит ждать его в ней, пока он заберёт свои вещи из кабинета.

Мы едем, разговаривая о его путешествиях. И я не замечаю, как мы доезжаем до дома. Странно, ведь мне казалось, что мы едем всего навсего пару минут. Я приглашаю Итана домой, чтобы продолжить разговор, пока я буду собираться, и он принимает моё приглашение. Удивительно, как незаметно я стала ему доверять и как прониклась нашим общением.

– Только распусти волосы, пожалуйста, – раздаётся голос Майера из кухни, когда я стою перед зеркалом в ванной.

– Тебе будет стыдно за меня, если я приду в гости с пучком на голове? – кручу волосы в руках, стараясь придумать, как

их красиво собрать.

– Мне не будет стыдно за тебя, даже если ты с мешком на голове придёшь.

Выглядываю из ванной, чтобы посмотреть на него.

– А это хорошая идея. Осталось найти мешок, – шучу я в ответ.

– Пожалуйста, Марианна, – улыбается он своей мягкой улыбкой. – Оставь свои волосы в покое.

Так ничего и не придумав, иду в комнату и достаю короткое расклешённое платье белого цвета, которое купила недавно на базаре. Надеваю его, кручусь перед зеркалом и вдруг вспоминаю, как раньше закалывала волосы сзади красивыми заколками. Решаю, что с платьем будет смотреться гармонично, поэтому открываю шкаф и в одной из старых коробок нахожу жемчужную заколку. Собираю аккуратно волосы сзади, закалываю их и рука тянется к шкатулке, где лежит косметика. Удивляюсь собственному порыву подкраситься, но решаю не сопротивляться самой себе. Слегка подкрашиваю уже старой тушью ресницы, румяню щеки и придаю губам лёгкий блеск. Ещё раз посмотрев на своё отражение, выхожу из комнаты.

– Теперь ты будешь мне должен, – говорю я Итану, заходя на кухню. – Я оставила волосы распущенными.

Увидев меня, он расплывается в улыбке, откинувшись на спинку стула.

– Ты прекрасно выглядишь, – взглядом проходится по мне

сверху вниз, а потом поднимет глаза на моё лицо. – Выполню любое твоё желание.

– Я подумаю над ним, – увидев своё отражение в окне сзади мужчины, вдруг смущаюсь. – Итан, я не слишком вырядилась для барбекю?

Улыбаясь, он встаёт с места, подходит ко мне.

– Не слишком, – отвечает, нависнув надо мной. – Только если не решила надеть каблуки.

– Нет-нет, я буду в кедах.

– Тогда, о чём вообще речь? – он продолжает стоять слишком близко. – Всё отлично. Мне нравится, как ты выглядишь.

Я хочу отойти, но вместо этого, стою и смотрю на него.

– Знаешь, что я сейчас хочу? – спрашивает он.

– Ты уверен, что мне стоит знать? – чувствую, что он скажет что-то, что заставит меня вновь краснеть.

– Я обязан тебя сфотографировать, – опускается к уху. – Или я сойду с ума, – шепчет тише.

Его дыхание обжигает кожу. Я стою, словно вкопанная и смотрю на него. Он выпрямляется в спине и отходит, оставив меня одну. От его шёпота мурашки пробегают по телу. Стараюсь избавиться от них, но чётно. Внутри всё дрожит, словно от холода. И я с трудом заставляю себя сдвинуться с места.

Нахожу Итана в прихожей, когда он обувается. Смотрю на него, в ожидании, когда он обратит на меня своё внимание.

– Не делай больше так, – говорю я твёрдо, когда он под-

нимает свой взгляд.

– Как? – смотрит на меня с ехидством.

– Ты знаешь как! – подхожу к нему ближе. – Ты ведь обещал!

– Я обещал, что не сделаю ничего, что заставит тебя пожалеть о нашей дружбе, – смотрит на меня в упор.

Его взгляд сковывает мои движения, и я делаю шаг назад, боясь, что он снова заставит меня онеметь.

– А ты не жалеешь, – добавляет он.

– Ключевое здесь – дружба. Не знаю, как ты привык дружить с женщинами, но со мной соблюдай дистанцию.

– В этом то и проблема, ёжик, – он ухмыляется. – Я не привык дружить с женщинами.

Видимо, проблема именно в этом, что он не умеет дружить с женщинами, и не знает, каких границ переступать не стоит. И мне просто необходимо их выстроить, чтобы в дальнейшем между нами не возникало таких ситуаций, как сейчас.

Ничего ему не ответив, нахожу свои белые кеды, обуваю их и молча выхожу из квартиры, давая понять Майеру, что разговор окончен.

Перед тем, как сесть в машину, я забегаю в ближайшую кондитерскую и покупаю торт, чтобы не ехать в гости с пустыми руками. В дороге я снова поднимаю тему путешествий, тем самым развеив напряжение. Ехать в тишине в этот раз мне совсем не хочется, так как я начинаю переживать

перед встречей с матерью Итана и его друзьями. Чем ближе наша встреча, тем сильнее я думаю, что буду там ни к месту. Не представляю, о чём буду говорить с этими людьми и как буду себя вести. Поэтому, стараюсь всю дорогу заполнить нашими разговорами.

И вскоре мы подъезжаем к двухэтажному дому со стриженным газоном, кустами и деревьями. Я беру красиво упакованный торт и выхожу из машины. Осматриваюсь. Невроятно уютный район. Меня окутывает спокойствие.

Майер подходит ко мне и приглашает пройти к дому. Входная дверь открывается, и из неё выходит Диана. Увидев её, слегка удивляюсь, но потом вспоминаю, что сегодня собираются друзья семьи, и вопрос отпадает.

– Здравствуйте, – держа в руках бокал шампанского, она улыбается краем губ, подходит к Итану, они приветствуют друг друга поцелуем в щёки.

– Марианна, знакомься, Диана – моя мама, – широко улыбаясь, слово издеваясь, представляет мне женщину. – Диана Гомес – мама Итана Майера? Как так? Почему никто это не обсуждал? Или может я не слышала? Я шокировано смотрю на них двоих. Хочу прибить Итана за то, что так подставил меня.

– Здравствуй, Марианна, – женщина подходит ко мне, целует в щёку, как ни в чём не бывало.

А я стою, опешив, и неуверенно приветствую её в ответ. Она приглашает нас войти в дом, и когда оставляет нас с

Итаном двоих, я бросаю на него злой взгляд.

– Ты невыносимый! – шиплю на него.

– Знал, что если узнаешь раньше, ни за что не согласишься приехать.

– Ты прав! А сейчас я чувствую себя полной идиоткой. Ты уверен, что я не стану жалеть о нашем общении, когда ты так поступаешь? – хмурю брови.

– Я не делаю ничего, что может причинить тебе вред, – он ударяет пальцем по кончику носа. – Расслабься, тебе здесь все рады.

Мне понадобилось пару часов, чтобы свыкнуться с новостью, что Диана – мама Итана, перестать её смущаться и, наконец, расслабиться. Но на Майера я продолжала держать маленькую обиду.

С каждым часом гостей в доме становилось всё больше. Стали приезжать и друзья Итана. И с их появлением мне становилось лучше.

Мне нравилась обстановка вокруг. Задний двор Дианы и её мужа Брайана был похож на тот, который я мечтала видеть в своём доме. А большое количество людей с хорошим настроением и юмором лишь добавляют красок этому месту.

Я наблюдаю за Дианой и восхищаюсь ей. Она много улыбается, смеётся и шутит. Посмотрев на неё, никто и никогда не подумает, что она потеряла мужа и дочь. Но по тому, как много фотографий Дженни я успела увидеть в гостиной, очевидно, что материнское сердце сильно тоскует по своему

ребёнку. Научится бы и мне справляться со своей болью так, как эта женщина.

– Почему одна? – подходит ко мне Итан и протягивает стакан с безалкогольным коктейлем.

– Мне нравится стоять здесь в углу и наблюдать за всем, – принимаю напиток с его рук. – Спасибо, что пригласил.

– Спасибо, что приняла приглашение.

Пару минут мы стоим вдвоём, я спрашиваю у него про интересующих меня гостей, он рассказывает мне про них, кто они и чем занимаются, и обещает познакомить меня с ними.

К нам присоединяется Диана. Интересуется, в порядке ли я и всё ли мне нравится. Я благодарю её за заботу и искренне отвечаю, что всё замечательно. Она присоединяется к нашей беседе. И в какой-то момент, её перестают интересовать гости и она переключается на меня:

– А какие у тебя планы на будущее, Марианна? – спрашивает она у меня.

– Ничего грандиозного. В ближайшем будущем планирую купить новый фотоаппарат, а в дальнейшем переехать в другой город.

– Прости? – перебивает Итан. – В другой город?

– Да, но думаю это произойдёт не в ближайшие пять лет.

Замечаю, что Итану не нравится мой ответ. Странно, мне казалось, что мы говорили с ним о моих планах. Может я совсем забыла ему об этом рассказать? Может это как-то по-

влияло бы на решение брать меня в команду?

– В любом случае, я тебе желаю удачи, – говорит Диана. – И ни в коем случае не прекращай фотографировать. Мне нравится, как у тебя получается.

– Мне приятно это слышать от вас. Надеюсь, это не из-за нашей дружбы с Итаном.

– Ни в коем случае. Ты трудолюбива и легко обучаемая, при этом я вижу в каждой твоей работе тебя. А это очень важно.

Смутившись, я благодарю её за столь лестные слова.

Диану кто-то окликает, она извиняется и обставляет нас с Итаном наедине.

– И когда ты планировала рассказать мне о своём желании переехать отсюда? – начинает он.

– Мне казалось, мы это обсуждали.

– Я слышу об этом впервые.

– Это как-то влияет на твоё решение взять меня в команду?

– Да, – отвечает серьёзно, и мне становится не по себе. – Теперь я заключу с тобой контакт, как минимум, на десять лет.

– Ты меня напугал, – улыбаюсь краем губ. – Решила, что передумал брать меня на работу.

– Это было бы глупо с моей стороны. Я ведь хочу, чтобы ты осталась, – улыбается мне в ответ.

Слышу щелчок от фотоаппарата и поворачиваю голову на звук. Увидев, что нас с Майером держат в объективе камеры,

рефлекторно отворачиваюсь к фотографу спиной, не желая быть сфотографированной. Итан тут же ловит моё настроение и просит друга убрать камеру.

– Спасибо, – благодарю мужчину за понимание меня.

Мягко улыбается в ответ, но ничего не говорит.

Слышу, как во двор кто-то заходит, и их радостно приветствуют многие. Поворачиваю голову, чтобы посмотреть на пришедших. А увидев их, хочу умереть на месте. Ни больше, ни меньше. Я смотрю на вновь прибывших гостей и столбею. Мне страшно издать звук, вдохнуть или выдохнуть. Хочу стать невидимой. Что происходит вообще?

– Какие люди, – Итан расплывается в улыбке при виде пары, извиняется передо мной, ославляет одну и подходит к ним. – Дедушка, рад тебя видеть, – он обнимает мужчину в возрасте, и тот отвечает ему взаимностью.

А я стою и не могу до сих пор пошевелиться. Его слова звучат, как гром среди ясного неба.

Дедушка?! Дедушка Итана?!

Но ведь это мой дедушка...

Глава 11

Я сижу за столом напротив двух людей, от вида которых внутри происходит надрыв. Изю всех сил стараюсь не обращать внимание на них. Они не узнают меня, так как никогда не видели, но "бабушка" пристально изучает меня вот уже полчаса. Завидую им, хотела бы и я не знать, как они выглядят. Но, как бы они не поступили с папой, он всегда помнил о них, хранил их фотографии в кошельке и в тайне от всех узнавал о здоровье родителей. Однажды я подслушала его телефонный разговор с их лечащим врачом – его старым приятелем, тогда и узнала, что сердце его до сих пор болит по ним.

– Попробуй ещё это, – отвлекает меня от собственных мыслей Итан и кладёт в тарелку очередное блюдо. – Мама готовит отменную мусаку.

– Итан, не стоит, – стараюсь остановить его, коснувшись руки, но бесполезно.

Он, видимо решил откормить меня на несколько жизней вперёд.

– Я сыта, – говорю ему тише на ухо.

– Ничего не знаю. Ты должна попробовать.

Он обращает на меня всё своё внимание. Я пытаюсь отвести свой взгляд от него, но его глаза цепляют меня на крючок, и мне не удаётся пошевелиться.

Как же абсурдно то, что мы с ним родственники, до сих пор не могу в это поверить.

– Ты можешь отпустить мою руку, – улыбается он ехидно.

И только после его слов я понимаю, что моя ладонь до сих пор лежит на его запястье.

Вздрагиваю от смущения и быстро убираю руку.

– Прости, задумалась, – чувствую, как начинают полыхать мои щёки.

– В таком случае, задумывайся чаще, – расплывается он в улыбке.

– Марианна, – вдруг неожиданно обращается ко мне "бабушка".

Поворачиваю голову в её сторону. С трудом сдерживаю свою неприязнь к ним.

– Мы с вами раньше не встречались? Ваше лицо мне кажется знакомым, – она смотрит на меня пристально.

– Я с вами вижу впервые, – стараюсь ответить как можно вежливее.

Хочется съязвить и спросить, возможно я ей напоминаю собственного сына, но держу себя в руках. Да и откуда ей помнить, как выглядит её ребёнок, когда она в последний раз видела его лет двадцать пять назад.

– Расскажите о себе, Марианна, – теперь обращается ко мне "дедушка". – Интересно познакомиться поближе с избранницей Итана.

Вижу, что Майер хочет вмешаться и объяснить, кем мы

являемся друг другу, как он делает это всегда, но на этот раз я его опережаю:

– Что вы, разве я могу быть его избранницей? – невольно вырывается усмешка из моих уст. – Я сирота, снимаю маленькую комнату на окраине города и работаю фотографом. По счастливой случайности сейчас учусь в школе Итана и Дианы.

Мимо Майера не ускользает смена моего настроения и тона. Он знает, что мне не свойственен сарказм, а сейчас каждое слово пропитано им.

– Как жаль, – с грустью отвечает женщина.

Мне претит общество этой лицемерной женщины. Она сидит, строит из себя добродушную, а сама не пришла на похороны сына. Мать, носившая под сердцем девять месяцев своего ребёнка, отказалась от него и не захотела проститься с ним – для меня это дикость и бесчеловечность.

Хочу спросить у неё и её мужа: «Вы владеете половиной города, а ваш сын похоронен на деньги, собранные неравнодушными людьми, а внучка живет беднее церковной мыши. Вас не тошнит от себя? Как вас кто-то ещё уважает после этого?». Но я держусь из последних сил, чтобы не сорваться.

– Терять родителей – это трагедия, – продолжает она. – А почему ты одна? Разве нет родных?

– Большая трагедия, – презренно усмехаюсь и чувствую, как Итан взглядом прожигает во мне дыры. – У меня нет родных. Мои родители тоже были сиротами. Точнее, их се-

мы живы и здоровы, но им не было никакого дела до своих детей и внуков.

Мои слова хлыстом бьют по женщине. На доли секунд её лицо искажается от неприятных чувств, но она быстро берёт себя в руки и вновь излучающе смотрит на меня.

– Мы с вами раньше точно не встречались? – интересуется она вновь.

– Мы из разных сословий, где бы нам встречаться?

Моё пренебрежительное отношение не ускользает от рядом сидящих гостей. Они утихают и непонимающе смотрят на меня. Итан одёргивает меня за руку под столом. А я, не желая больше смотреть на женщину и разговаривать с ней, опускаю взгляд на свою тарелку, отламываю вилкой кусок мусаки и кладу его в рот.

– М-м-м, – произношу с наслаждением и смотрю на Майера. – Это и вправду очень вкусно.

Мужчина вопросительно на меня смотрит. Видит, что со мной что-то не так.

– Всё в порядке?

– А что может быть не в порядке? – пожимаю плечами и отворачиваюсь от него.

– Итан, может ты раньше приглашал Марианну на какие-то мероприятия? – не унимается дама. – Её лицо очень знакомо мне.

Я резко встаю из-за стола. Кажется, ещё чуть-чуть, и я отвечу ей, кого напоминаю, а следом выскажу всё, что думаю

о них. Но портить ужин и настроение всем вокруг не имею желания, поэтому решаю уйти.

– Итан, мне пора, – Майер, не успев ответить бабушке, смотрит на меня с удивлением. – Проведёшь меня к выходу? Мужчина решает ничего не спрашивать на глазах у всех, молча встаёт вслед за мной.

– Я скоро буду, – говорит родным.

Я прощаюсь со всеми, отдельно подхожу к Диане и благодарю за радушный приём и извиняюсь, что ухожу так быстро, ссылаясь на плохое самочувствие. Она понимающе улыбается, благодарит в ответ, что я пришла, обнимает, и мы прощаемся.

– Что ты делаешь? – спрашивает Итан, когда мы подходим к его машине, а я пытаюсь найти номер такси в телефоне.

– Заказываю такси. Какой здесь адрес? – поднимаю на него голову.

Он выхватывает телефон из моих рук и смотрит на меня строго.

– Что с тобой происходит?

– А что со мной происходит? – переспрашиваю, не зная, что ему ответить.

– Не строй из себя дурочку. Почему ты говорила с этой женщиной в таком тоне? Она задавала безобидные вопросы.

– А я безобидно ей отвечала.

– Я знаю тебя. Это было совсем не безобидно, – он открывает пассажирскую дверь. – Садись в машину, я отвезу тебя

домой.

– Не стоит утруждаться. Там тебя все ждут.

– Садись в машину, – цедит сквозь зубы.

Впервые вижу его таким недовольным. Решаю не перечить и, как только оказываюсь в автомобиле, он хлопает за мной дверь. Он садится за руль и заводит машину. Всю дорогу мы молчим. И только, когда заезжаем на мой квартал, он заговаривает со мной:

– Ты объяснишь, в чём дело? Мне не понравился тон, в котором ты разговаривала с Терезой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.